

Константин ХАРСКИЙ

Мрак.
Мир, построенный на лжи

18+

Константин Харский

Мрак. Мир, построенный на лжи

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Харский К. В.

Мрак. Мир, построенный на лжи / К. В. Харский — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-93526-6

Что произойдёт с миром, если любая ложь будет заметной? Это будет самое большое испытание, которое мир, построенный на лжи, может не пережить. Марк — молодой талантливый химик, работает в крупной корпорации, хочет прославиться, хочет сделать карьеру. Кто его за это осудит? Случайно Марку удаётся синтезировать средство, позволяющее замечать ложь...

ISBN 978-5-532-93526-6

© Харский К. В., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Константин Харский

Мрак. Мир, построенный на лжи

Глава 1

А что, правда высшей ценностью должны оставаться власть, деньги, право безнаказанно лгать, диктовать свои правила, возможность не отвечать за свои действия? Нам сложно представить, как может измениться наша жизнь, наша работа, наше общество и вся цивилизация в целом, если ложь станет невозможной. Такой боли общество ещё не переживало. Переживёт ли?

Мрачное здание фармацевтической Корпорации внушало трепет уже самим фактом своего существования. Тёмно-серые, практически чёрные стены лабораторий и цехов, котлы, трубы из нержавеющей стали, сверкающие страшным светом в любое время дня и ночи. Высоченный забор с витками колючей проволоки, обещающей оптимистам несмываемые впечатления на теле.

Стороннему наблюдателю не понять: Корпорация порождает жизнь или же потребляет её. Каждую минуту в ворота Корпорации заезжали и выезжали грузовики с цистернами и фургонами. Через железнодорожные ворота туда и обратно шли составы. Корпорация получала со всего мира сырьё и возвращала в мир лекарства, косметику, бытовую химию. Лекарства, косметика, бытовая химия помогали жизни продолжаться. При этом корпорация также и потребляла жизнь. Многие часы жизни людей, работающих на Корпорацию, превращались во власть Корпорации, её влияние, её деньги. И никто не знал, где проходит граница между злом и добром. И никто из тысяч сотрудников, входящих и выходящих через проходные, не знал, есть ли граница между добром и злом. Каждый из сотрудников что-то там химичил, и многие предпочитали не задаваться вопросами, чтобы не узнать ответы.

Со стороны проспекта была неприметная проходная, где в основном проходили сотрудники Лаборатории. При каждой уважающей себя Корпорации должна быть своя Лаборатория. Задача этих лабораторий прозаичная – улучшать выпускаемую продукцию. Каждый день сотни людей входят через эту проходную, одевают белые халаты и начинают колдовать над своими колбами, что-то смешивая, а что-то и взбалтывая.

Артур Павлович – коренной петербуржец, высокий, темноволосый мужчина 50 лет, о его взгляд легко порезаться. Артур Павлович – руководитель Лаборатории точен и предсказуем, как химическая реакция. Ровно в 8:50, каждый рабочий день он входит в проходную Корпорации, прикладывает пропуск к турникету, кивком приветствует сотрудника охраны, входит в здание Лаборатории, поднимается по парадной лестнице на второй этаж и проходит в свой кабинет. Ему нужно 2 минуты, чтобы миновать охрану; 5 минут, чтобы дойти до своего кабинета; 3 минуты, чтобы включить компьютер и одеть халат, пока компьютер загружается. Каждый день в 8:59:42 Артур Павлович садится в своё кресло, секретарь входит с чашкой утреннего кофе и докладывает обстановку в Лаборатории. И ничто не рискует нарушать установленный Артуром Павловичем порядок вещей. В этом весь Артур Павлович, таков он и его правила. Все должны следовать установленному порядку. Всё должно быть спланировано и отрепетировано. Химия вполне может обойтись без случайностей и флуктуаций. Все привыкли к характеру начальника Лаборатории и научились вписываться в его планы. Предсказуемых сотрудников начальник ценил и по возможности поощрял. Если возможности поощрить были исчерпаны, а сотрудник становился ещё более предсказуемым и надёжным, тогда Артур Павлович переходил к премированию.

Артур Павлович вошёл в проходную и быстрым шагом направился к турникету, на ходу доставая пропуск из кармана портфеля, предназначенного для пропуска. В проходной в это время людно; Артур Павлович не имел привычки смотреть по сторонам, и поэтому не заметил, как к нему двинулся Сергей Петрович Петухов, начальник охраны Корпорации. Любого начальника охраны выдают усы, бочкообразное туловище и португя.

– Артур Павлович, можно вас на секундочку.

Артур Павлович не успел отреагировать, как снова послышалось уже громче и требовательнее.

– Артур Павлович!

Артур Павлович поморщился, но остановился. Плохая примета, если он узнаёт что-то не на планёрке, не от секретаря, а от постороннего. Например, вот от этого человека, начальника охраны. Артур Павлович остановился и молча ожидал, когда начальник охраны пересечёт холл проходной и подойдёт ближе. Ему в голову не могло прийти сделать шаг навстречу или, боже упаси, протянуть руку. Каждый член огромной Корпорации знал своё место. Начальник охраны мог окликнуть руководителя Лаборатории и для этой дерзости у охранника должна быть веская причина.

– Артур Павлович, последний раз прошу, повлияйте вы на вашего грека, ну сколько можно поднимать этот вопрос, – приспуская защитную маску, с досадой в голосе сказал Петухов.

– Что теперь? – уточнил Артур Павлович.

Артуру Павловичу было невыносимо повторять свои просьбы. Но есть вещь, которая бесила его больше, чем необходимость повторить распоряжение. Это когда младшие по рангу повторяли что-то ему. Когда подчинённый вынуждал Артура Павловича повторить приказ, Артур Павлович знал, что подчинённый его не уважает. Когда повторяли Артуру Павловичу, то имели право считать его тупым, неспособным навести порядок в своём подразделении. Невыносимо осознавать, что начальник охраны считает тебя тупым! Артур Павлович приложил много сил, чтобы создать свой имидж и репутацию.

– Он снова не сдал лабораторию под охрану. Всю ночь там химичит. Я разве не понимаю: учёный, гений, всё такое. Пусть оформит ночную смену. Я из-за него дополнительного сотрудника должен выводить. Понимаете? Периметр под охрану не сдан, значит, каждые полчаса обход делать надо. А это люди, лишняя смена, оплата.

– Я понял, – Артур Павлович крепко сжал губы, давая понять, что сказано всё.

– Нет, – не унимался начальник охраны, осмелев от доброго расположения духа Артура Павловича. – Я же не против. Если вы подпишите ночную смену, если она так необходима, то пожалуйста, пусть химичит.

– Я разберусь, – сказал Артур Павлович, посмотрел на часы. По коридору придётся идти быстрым шагом.

Руководитель Лаборатории развернулся от начальника охраны, чтобы продолжить свой путь, но Петухов продолжил.

– Это не всё, Артур Павлович.

Гримаса неприязни исказила лицо руководителя Лаборатории. Что ещё могло случиться, что не может подождать установленного начала рабочего дня? О чём ещё надо выговаривать посреди проходной, на виду у спешащих сотрудников?

– Слу-ша-ю, – по слогам сказал Артур Павлович и снова развернулся к Петухову.

– Сегодня утром, час назад, две технички вашей лаборатории подрались.

– Как это подрались? – Артура Павловича непросто было удивить, но драка двух уборщиц с утра удивила.

– Так, подрались. Мы драку по камерам видеонаблюдения заметили. Когда Паша добежал до них, обе с расцарапанными физями по разным углам сидели, выли.

– Пьяные? – с надеждой в голосе спросил Артур Павлович.

– Если бы!

– Ну и что они сказали? Вы с ними разговаривали? – Артур Павлович понял, что сегодняшний день пойдёт не по плану, и успокоился. Уже больше не надо (было) никуда спешить.

– Артур Павлович, они несут полный бред. Я думал проверить на наркотики. Но решил вас дождаться, всё-таки они ваши подчинённые. В отчёте отмечу факт драки, тем более есть видеофиксация. Вы, когда узнаете причины, сообщите мне; я приложу ваш документ к отчёту.

– Непременно, – зло сказал Артур Павлович и Петухов отвёл глаза, слово сам был виноват в произошедшем. Вообще это многие замечали: когда Артур Павлович говорил с тобой, у тебя возникало неодолимое желание оправдываться, а если оправдаться невозможно, то – сознаться. Что поделаешь люди, облечённые большой властью, часто вызывают подобный трепет.

Артур Павлович прислушался к себе: он считал себя интуитивным человеком. Никому не говорил про это, потому что такая информация подорвёт его авторитет. Но от себя нет смысла скрывать. Артур Павлович тонко чувствовал угрозы, приближающиеся проблемы. Сначала в душе возникало томление. Хочется остановить взгляд и помолчать. Если медитация не помогает и томление не проходит, то можно ждать беду. И вот сейчас. Томление не отпускало неделю. Артуру Павловичу необходимо понять, откуда ждать трагедию. Драка техничек – только предвестие чего-то более страшного. Артур Павлович поёжился.

Беда неотвратимо надвигалась. Интуиция подсказывала, что проблема связана с Марком, начальником одного из отделов Лаборатории. Артур Павлович не помнил второго такого маньяка, помешанного на работе. Марк готов был жить в Лаборатории. Собрал вокруг себя таких же фанатов. Он слишком молод, чтобы метить на моё место. Что тогда? Может быть, его хотят переманить?

В приёмной, выйдя из-за своего стола, с ежедневником в руках, Артура Павловича ждала секретарь Ирина. За годы работы вместе они научились понимать друг друга без слов. Руководитель Лаборатории вошёл стремительно, хлопнул дверью; Ирина вздрогнула. Всё в сумме говорило ей, что шеф сильно не в духе и слова сегодня надо подбирать с максимальной осторожностью. И, совершенно точно, сегодня его ни о чём нельзя было просить. Даже об увольнении: возьмёт и согласится из вредности.

Артур Павлович прошёл в кабинет, кивнул Ирине и, уже закрывая дверь, чуть более приветливо сказал: «Кофе и этих двух хулиганок ко мне».

Ирина знала, что шеф просто так не опаздывает. Когда она увидела, что сегодня Артур Павлович задерживается, она была готова к неожиданным задачам. Когда она услышала его быстрые шаги, а секретари умеют отличать шаги своих руководителей, она вышла из-за стола. Вышла и была готова к распоряжениям. Кофе она сделает быстро. Но что шеф имел в виду под фразой «этих хулиганок в кабинет»? Спрашивать у него сейчас опасно.

«Он предполагает, что я знаю, кого надо пригласить... Он приехал, вошёл в проходную, поднялся на этаж, потом прошёл длинным коридором...» – думала Ирина. Она включила кофемашину. Открыла дверь в коридор. Там хулиганок не было. Мог ли Артур Павлович слово «хулиганки» использовать иносказательно? Кто тут хулиганки? Он так никого раньше не называл. Почему ему нужны две хулиганки сразу?

Кофе готов. Так. Блюдец, салфетка, чашка, ложка. Ирина вошла в кабинет шефа и поставила кофе в установленном месте пустого стола. На секунду задержалась в надежде, что Артур Павлович пояснит задачу про хулиганок. Знала, что напрасный труд. Он и раньше ничего не пояснял и теперь не собирался.

Ирина вышла из кабинета. Тихо прикрыла дверь. Кто может обладать нужной информацией? Тоня. Если что-то произошло в Лаборатории, Тоня будет в курсе. Если не первой, так

второй. Антонина так умеет слушать сплетни, что всем в Лаборатории нравится ей их рассказывать. Талант, не меньше. Антонина замирает, когда слышит сплетню, как верно подметил Марк: «Превращается в одно большое ухо». Она так искренне удивляется поворотам сюжета сплетни, она так восхищается развязке... В общем так: если кто-то однажды рассказал Тоне сплетню и насладился её реакцией, то все новые сплетни этот человек Тоне расскажет обязательно.

Ирина в очередной раз дала себе слово научиться собирать сплетни и направилась в женскую раздевалку, где, несмотря на запрет, проводил время технический персонал Лаборатории.

Обычно в раздевалке шумно. Играет радио, любое, с шутками ведущих. Каждая шутка даёт повод для реплики или даже разговора. Технички громко разговаривают, смеются, обсуждают всех, про кого услышали по радио, про кого вспомнили, про кого подумали. Достаётся звёздам. Достаётся сотрудникам. Достаётся и Ирине, чего уж там. Запретных тем для этих людей нет. «Каста неприкасаемых», как зовёт их Марк, симпатичный руководитель отдела жидкого мыла. Ирина была уверена, что технички промывают косточки и начальнику Лаборатории, самому Артуру Павловичу, но при ней они такого себе не позволяли.

Ирина вошла в раздевалку и поняла, что пришла вовремя и в правильное место. В раздевалке было тихо, радио было выключено. Ирина не помнила второго случая, когда в раздевалке было тихо. Две девушки, технички, сидели у своих шкафчиков, в разных концах раздевалки, словно в разных углах ринга. Ирина успела заметить, что обе сидели, молча уставившись в пол перед собой. Тоня и Лера. Так-так. Двое. Кое-что проясняется.

Ирина вошла, закрыла дверь и решила для начала помолчать. Тоня подняла на Ирину исцарапанное лицо с заплаканными глазами. «Господи, что тут произошло?» – успела подумать Ирина. А потом ещё подумала: «Двое. Хулиганки. Нашла!»

– Вызывает? – спросила Тоня.

– Угу, – кивнула Ирина.

– Обоих? – спросила Тоня.

– Да.

– Злой? Сильно злой? – спросила Тоня.

– Да. Пожалуй, девочки, злей я его и не видала. Что случилось-то?

– Да так... Разногласия на почве химии, – сказала Тоня. Тряхнула головой. Посмотрела на Леру, – ну что, подруга, переворачивай штаны шириной назад.

Лера непонимающе посмотрела на Тоню, потом на Ирину. Ирина-то поняла шутку армейского юмора и в целом была согласна – девчонкам достанется по полной программе.

– Чего натворили? Рассказывайте. Попытаюсь сгладить, – сказала Ирина, присаживаясь примерно посередине между хулиганками, давая понять, что она ни на чьей стороне. – Пара минут у нас есть. Говорите прямо.

Тоня посмотрела на Леру, ухмыльнулась.

– Звучит, Ирина, глупо. Но это – правда. Грек сварил у себя в отделе жидкое мыло. Понимаешь, такое хорошее, что узнай ты раньше, таскала бы домой в полиэтиленовых кульках и маме отвезла бы в Харьков. И тут я заметила, что мыло убывает сильнее, чем раньше. Решила проследить, кто мыло ворует...

– Сама не воровала что ли?! – с обидой в голосе огрызнулась Лера из своего угла.

– Тихо, девочки, – Ирина примирительно подняла руки. Посмотрели на Тоню. – Продолжай, у тебя минута.

– Управлюсь. Поймала воровку, – Тоня кивнула на Леру, – и расцарапала морду наглуую.

– Сама воровка!

– О-о-о. Что-то мне подсказывает... Вы сегодня премию можете получить, – сказала Ирина, вставая. – Строиться в колонну по одному. Лера, вставай передо мной. Тоня, идёшь следом. Кто скажет хоть слово без команды, спасать не буду. Всё понятно?

Лера кивнула и поднялась. Тоня недоверчиво, но с надеждой во взгляде посмотрела на Ирину.

– Я воль, майн Херц, – сказала Тоня, пропуская Леру и Ирину вперёд.

– Ждите здесь. Сидеть молча! – тихо, но убедительно сказала Ирина, оставляя хуликанок в приёмной. Посмотрела на себя в зеркало, лизнула палец и поправила им бровь. Впрочем, бровь выглядела безукоризненно.

Ирина открыла дверь кабинета Артура Павловича, дождалась его кивка и вошла.

– А у нас сегодня праздник, Артур Павлович. Неожиданный, и тем приятнее, – сказала Ирина. Её живой ум позволял выпутываться из самых сложных передраг. Первый муж научил. Тот ещё неудачник, прости Господи.

– Да? А мне так не кажется, – сказал Артур Павлович, но взгляд его стал добрее. Он знал: если Ирина говорит, значит у неё есть основания.

– Знаете, из-за чего буча случилась?

– Любопытно.

– Антонина узнала, что «Грек», ну наш гений...

Артур Павлович нетерпеливо махнул, мол, я понял, о ком речь.

– Так вот, Марк что-то там схимичил и получил такую формулу жидкого мыла, что наши технички из-за него и разодрались.

– Из-за «Грека»?

– Ну, Артур Павлович! Ну чего вы! Судя по этой драке, Марк совершил какой-то прорыв. Техничек жидким мылом удивить сложно. Полчаса назад я знала, что невозможно. А вот сейчас освобожусь и сразу в отдел, к Марку, уговорю его дать мне немного мыла для личного пользования. Баночку, если осталось.

– Какую баночку? – не понял Артур Павлович.

– Да хоть из-под ваших оливок, – Ирина неопределённо махнула в сторону приёмной.

– Думать буду, – о чём-то наконец догадался Артур Павлович. Посмотрел на Ирину и сделал жест, мол: «Свободна, покинь кабинет».

– Хулиганкам ждать в приёмной? – спросила Ирина, но Артур Павлович её уже не услышал.

Ирина вышла из кабинета начальника Лаборатории. Тоня и Лера вскочили со стульев, на лицах тревожный вопрос: «Ну, как он? Что сказал? Всё плохо?!».

– Идите пока, работайте. Позже позовёт. Никаких разговоров. Про жидкое мыло ни слова. Вы кроме меня кому-то говорили?

– Начальнику охраны, – призналась Лера, виновато опустив голову.

– Ему-то зачем? – не поняла Ирина.

– Охранник заметил драку, разнял, потом начальник допрос устроил. Думал, что пьяные, – объяснила Лера.

– Ну хорошо, – сказал Ирина, – идите работайте. Раны на лице обработали?

Лера и Тоня помотали головой.

– Ну, так обработайте! Друг другу, – улыбаясь добавила Ирина.

– Пошли, подруга, – Тоня обняла Леру за талию, и он пошли, нарочито виляя бёдрами, словно им тут подиум.

Артур Павлович призадумался. Молодой и талантливый химик Марк Романович Плютос работает в Корпорации после университета около четырёх лет. За два года стал руководи-

телем отдела. Последние два года занимается жидким мылом. Человек увлечённый. По мнению Артура Павловича – чрезмерно увлечённый. Буквально маньяк. Несколько раз по просьбе Артура Павловича проводились проверки. Ну не может человек быть настолько помешанным на жидком мыле. Марк же день и ночь работает в своём отделе. Если его не выгонять, он тут жить станет. Собрал вокруг себя преданных ему лично помощников. Когда чужой входит в отдел, все замолкают и слова из них не вытянешь. А тут вот оно что оказывается. Изобрёл новую формулу? Интересно.

«Допустим, у него правда прорыв. Это очень вовремя: акционеры приехали с инспекцией. Будет что показать и чем похвастать. Марк молодой, рано ему ещё в одиночку перед акционерами выступать с презентациями. Лет пять-семь за моей спиной постоит, с него не убудет. Его таланта на всех хватит. Это очень вовремя!»

Почему он не доложил о новой формуле? Если технички дерутся из-за мыла, значит, формула у него в работе месяц или больше. Что-то задумал? Хитрит? Нет, на Марка не похоже. За интригами замечен не был. Химия его интересует. Но что его интересует ещё?

Интересно, сам Марк при драке не присутствовал? Может, тут ещё какой-то эротический подтекст? Нет, если Ирина не доложила, значит, не было. Так-так-так.»

Артур Павлович открыл ноутбук, в корпоративной системе нашёл карточки сотрудников отдела жидкого мыла. Пробежал глазами. Снял трубку местной связи, набрал номер секретаря.

– Никиту ко мне. Да, из Греческого отдела.

Все в Лаборатории звали Марка греком. За профиль, на взгляд умных чёрных глаз, за королевскую статью, ну да и за национальность тоже. Марк по национальности был греком. Так и указывал в анкетах, которые заполнял.

Никита – сотрудник из отдела Марка, его помощник и, так сказать, правая рука. Артур Павлович выстраивал отношения с начальниками отделов. Сотрудники уровня Никиты напрямую с руководителем Лаборатории общались крайне редко. Артур Павлович почти не знал Никиту и точно не знал, что он за человек. В одном сомневаться не приходилось. Никита лично предан Марку и будет на стороне своего начальника. Других в отделе Марк не держит. Однажды Марк наотрез отказался брать к себе в отдел человека Артура.

Пять минут Артур Павлович провёл в размышлениях о том, как понять, что открыл Марк, и как сподвигнуть Марка к сотрудничеству, а потом в дверь постучали.

– Можно?

– Проходи, Никита. Как дела? Будешь чего? – спросил начальник Лаборатории, и Никита поперхнулся. Потому что Артур Павлович, оказывается, знает его имя, говорит с ним напрямую, не через Марка, и предлагает напитки. Любой поперхнётся на его месте.

– Нет, спасибо, – сказал Никита, присаживаясь на самый краешек стула для посетителей, поправил очки в модной чёрной оправе.

– Ну, как у вас дела? Как успехи?

– Да, вроде всё хорошо. Работаем, – начал Никита. Нервно поднял руку, поправил очки и снова опустил руку на колени, как школьник.

Артур Павлович встал из-за стола, взял свою чашку кофе. Никита хотел встать, но начальник лаборатории положил ему руку на плечо: «Сиди-сиди».

– Говорят, что вы разработали новую формулу? – спросил Артур Павлович и в упор, не мигая, посмотрел на Никиту.

Никита хотел отвести взгляд, но не мог этого сделать. Хотел ответить, но не мог сделать и этого. Марк установил свои правила в отделе, и если Никита сейчас их нарушит, то ему в отделе больше не работать. А из всех химиков этой планеты Никита согласен был работать только с Марком.

– Не знаю, – сказал Никита и опустил глаза.

– Не знаешь.

Артур Павлович стал прохаживаться по кабинету: «Давить и угрожать рано. По-доброму он ничего не скажет. Своего человека надо всё-таки в отдел Марка внедрить. Хорошо, это можно потом сделать.» Артур Павлович сел за стол. Про этот стол в Лаборатории ходили легенды. Главная: на столе в один момент времени может находиться лишь один документ. Огромный, стеклянный, хайтековский стол с безупречно чистой поверхностью. Сейчас на столе находился лишь телефонный аппарат, способный связать владельца кабинета со всем химическим миром, ноутбук да чашка кофе.

– Не боишься, что покровителем ошибся? Я тебя от увольнения по сокращению штатов точно могу спасти, а Марк нет. Что скажешь? – Артур Павлович так и не нашёл слов для того, чтобы подружиться с Никитой.

– Не знаю, что вы хотите от меня услышать, Артур Павлович. Я ведь простой лаборант, моё дело чистоту соблюдать в отделе и проветривать по расписанию.

– Ну и как с чистотой у вас? – с деланной добротой в голосе спросил начальник Лаборатории.

– Нормально. Марк говорит, что в химии нет случайности. Только понимание закономерностей. Правда, ещё говорит, что грязь и небрежность тоже могут привести к открытию.

– Надо же! Так и говорит? Грязь и небрежность?

– Наш путь – понимание закономерностей, – улыбаясь впервые за весь разговор сказал Никита и с важным видом поправил очки.

– Понятно. Сотрудничать ты не хочешь. Я понял. Как зовут девушку из вашего отдела? Злата?

– Да, Злата.

– Пусть зайдёт ко мне. Если ты её предупредишь, о чём пойдёт речь, то уже сегодня будешь уволен. Это понятно?

– Понятно.

– Марку тоже не говори. Марк знает, что я тебя вызвал?

– Нет, его в отделе не было. Злата знает.

– Позови её.

Никита вышел. Артур Павлович задумался. Он как-то упустил момент, когда Марк создал в отделе закрытую атмосферу. Его подчинённые ни с кем не общаются. Ничем не делятся. При этом видно, что все «горят» на работе и буквально боготворят Марка. Он, конечно, умён и талантлив, но устраивать собственное княжество ему не стоило. Теперь придётся ломать стены замка, и это будет болезненно для всех.

Артур Павлович спрашивал себя, какие есть риски, если он возьмётся за наведение прозрачности в отделе Марка. В кабинет вошла Злата. Вероятно, и она ничего не скажет.

– Проходи, Злата, присаживайся.

Злата поправила юбочку и присела в тоже кресло, где несколько минут назад сидел Никита. Села более уверенно, может быть, даже дерзко. Закинула ногу на ногу. Качает туфелькой. Злится. Стало быть, Никита предупредил, о чём будет разговор. Или намекнул.

– Я вот чего не могу понять. Любой на вашем месте станет ликовать, кричать от счастья, а вы словно в трауре. А?

– В смысле? – спросила Злата.

Эта привычка молодёжи в любой непонятной ситуации говорить «в смысле?» злила Артура Павловича, но сейчас он сдержался.

– Ну как же? Вся Лаборатория в курсе новой формулы, а вы – как на вражеской территории, в обороне, – по мелькнувшей искорке в глазах Златы, Артур Павлович понял, что всё верно предположил. Есть формула. Она лучше всех предыдущих. Они сами это уже выяснили и теперь чего-то ждут, прежде чем предать огласке. Неужели Марк решил выйти перед акционерами и приписать все заслуги себе, словно Артур Павлович уже не авторитет?

Артур Павлович подошёл к окну. В отделе ведутся записи всех опытов. То есть документальная хроника экспериментов и тестов присутствует. Даже если весь коллектив отдела исчезнет, ход работы можно в точности восстановить. Если они вели записи. Если они записывали то, что делали, а не формальные данные. Сейчас уже нет возможности без помощи кого-то из отдела понять, насколько правдивы их записи. Можно закрыть отдел, опечатать. Можно организовать внутреннее расследование. Если они такие идиоты, что разработанный состав решили продать кому-то на сторону или сделать свой бизнес, то юристы быстро их приземлят.

– Злата, помнишь особое соглашение? Все его подписывают, устраиваясь на работу, – Артур Павлович в упор посмотрел в глаза Злате.

– Да, помню, подписывала, – Злата попыталась выдержать взгляд, но всё же отвела глаза.

– Помнишь, что случится, если кто-то продаст разработки Лаборатории конкурентам или получит материальную выгоду иным способом? – Артур Павлович встал за спиной Златы.

– Ну не так, чтобы прям наизусть. А почему вы об этом меня спрашиваете? – Злата повернулась посмотреть, что у неё за спиной делает начальник Лаборатории.

– В смысле почему Никиту не спрашивал, а тебя спрашиваю?

– Да.

Артур Павлович улыбнулся.

– Да нет, я так просто. В профилактических целях. А когда Марк планировал рассказать про ваше открытие?

– Он не обсуждает с нами такие вопросы.

– В чёрном теле держит?

– А?

Артур Павлович поморщился. Как можно общаться с молодёжью, если все культурные коды ими не воспринимаются? Это поколение думает, что фразу «читать между строк» надо понимать буквально. Надо смотреть между строк, и если там есть заблудшие буквы, то читать их. А, поскольку между строк букв нет, то фразу «читать между строк» молодёжь понимает как «не надо читать». Раньше деды не понимали внуков. А теперь старшие братья не понимают младших.

– Ладно, иди в отдел.

Злата встала, направилась к выходу и вдруг обернулась так резко, что юбка поднялась, задорно оголив стройные ножки, и медленно опустилась: «Что-то передать Марку?»

– Нет, не надо. Я через десять минут зайду к вам, поздравлю.

Злата согласно кивнула. Артур Павлович улыбнулся. Если ему в отделе Марка нужен свой человек, то Злата – наиболее подходящий кандидат.

Злата вышла. Артур Павлович подошёл к двери, приоткрыл её. В приёмной была одна Ирина.

– Зайди.

Ирина взяла ежедневник, ручку и вошла в кабинет начальника.

– Ты знакома со Златой?

– Так она же подчинённая Марка, а все его люди как сектанты. «Привет – привет». Больше от них ничего не услышишь.

– Надоела эта секта. Дальше терпеть такое нельзя. Получается, они там что-то делают, на встрече говорят ничего не значащие слова: мол, занимаемся, экспериментируем. А потом хоп – и целая трагедия.

– Трагедия?

– Ну, пока не трагедия. Попробуй сблизиться со Златой. Узнай её лучше, может, через общие интересы. Может, ребёнка надо в садик устроить? У неё сыну три года. Подумай.

Ирина сделала запись в ежедневнике.

– Всё?

Артур Павлович забыл кивнуть, но Ирина поняла без слов. Он считал, что когда ты выстраиваешь отношения заранее, то всегда кажется, что занимаешься пустяками. А когда тебе нужны отношения, то выясняется, что построить их мгновенно нельзя, а времени выстраивать уже нет. Текущая ситуация виделась так. Во-первых, в отделе Марка совершён прорыв и создана формула, способная принести славу и деньги и Артуру Павловичу, и Марку, и всем сотрудникам Лаборатории. Если жидкое мыло прошло проверку у техничек и те подрались за право обладать этим мылом, то без дополнительных данных понятно: это успех, и на памяти Артура – самый крупный успех в Корпорации. То есть масштаб праздника – всеобщий. Это очень хорошая премия. Это продвижение по служебной лестнице и много чего дополнительных бонусами. Вопрос только в том, почему Марк скрывал открытие. Может, не скрывал? Может, сегодня собирался доложить?

Факты, уличающие Марка в нарушениях, отсутствуют. Может быть, он не против поделиться славой и премией? Это будет замечательно.

Артур Павлович вспомнил тягостное ощущение последних дней. Это из-за плохих предчувствий он стал думать, что Марк затеял что-то плохое или из-за того, что Марк затеял плохое, он чувствует тревогу? Артур Павлович сел за стол. Нужна программа действий.

Злата вернулась в отдел и увидела, что Марк и Никита сидят в дальнем углу основного помещения, возле шкафа-вытяжки, и что-то обсуждают. Коллеги обернулись на звук двери и махнули ей: «Иди к нам». Отношения в маленьком коллективе отдела были дружескими. Жаль, что после работы было не принято встречаться и общаться на отвлечённые от работы темы. Злата хотела проводить больше времени с Марком. На работе они общались как друзья, как коллеги. Видя, как Марк и Никита увлечены работой, Злата сама втянулась и начала получать удовольствие от бесконечных тестов и экспериментов. Время от времени она вносила предложения и к ней прислушивались. Тогда Злата ликовала! Она не была уверена, но кажется здесь, в этом отделе, Марк и Никита стали первыми, кто прислушивался к её идеям. Кроме матери, но это – другое. Было так круто! Злата благодарила вселенную за работу, ставшую любимой. Ну и, сказать по правде, Марк нравился Злате. Только сколько бы она ни старалась, она не могла вызвать знаков внимания со стороны Марка. А Никита, хоть и ровесник Златы, казался ей невыносимо молодым.

– Привет, зачем вызывал? – спросил Марк.

– Разве скажет? Прямо не говорит. Но так можно понять, что доложили ему про формулу А41.

– Кто? – строго спросил Марк, посмотрел на Злату, потом на Никиту.

Никита пожал плечами. Злата отрицательно качнула головой. Марк осмотрелся по сторонам, словно искал камеры наблюдения.

– Что конкретно он знает? – снова вопрос Марка к Злате.

– Ничего конкретного он не говорил. Говорит поздравить, мол, можно, а вы скрываете.

– Так и сказал – скрываете? – перебил Марк.

– Ну Марк, что там, в его кабинете, можно запомнить? Я так волновалась! Иду, как по палубе кораблика: качает из стороны в сторону, того и гляди в обморок грохнусь.

Марк кивнул: «Понятно». Марк сидел на стуле, облокотившись на колени, свесив голову и смотрел в пол. Длинные, прямые, черные волосы закрывали его лицо. Марк думал, и сотрудники не решались прервать его мысли. Для Никиты и Златы Марк стал человеком, открывшим счастье химичить. Марк научил понимать логику химических элементов. Он наделял химические элементы человеческими качествами. Он с ними беседовал и даже спорил. Устойчивые химические элементы Марк называл семьями. Похоже, в голове Марка была ещё одна вселенная, населённая элементами периодической системы Менделеева. Марк чётко понимал, как устроена эта вселенная и по каким правилам она живёт. С реальным миром у Марка были

сложности. Он не умел интриговать, сплетничать, создавать союзы и нарушать договорённости. Всё, что он хотел – преуспеть в профессии. Создать сотни полезных для человечества химических соединений. Пусть наслаждаются. И однажды–Марк в это верил, но, чтобы не сглазить, мало кому говорил про свою веру –однажды он создаст средство от псориаза. Это ничего, что отца уже давно нет в живых.

Примерно через неделю после того, как Злата появилась в отделе, Никита вроде как в шутку поделился со Златой мечтой, и мечта Никиты стала общей. Никита, вроде как шутя, сказал, что однажды Марк получит Нобелевскую премию и он, Никита, хочет быть в этот день рядом. Даже если его имени никто не узнает, он хочет быть причастен к событию. Злата тогда спросила, точно ли Марк заслужит Нобелевку. Никита сказал, что правильно вопрос должен звучать так: «Сколько раз Марк станет лауреатом Нобелевской премии?» В ту же секунду Злата решила, что, когда Марк будет получать свою первую премию, она должна быть рядом. Например, законной женой. Если нет, то можно и коллегой, протирающей пробирки. Любому лауреату Нобелевской премии нужен человек, протирающий пробирки. Без этого нельзя.

Марк же был поглощён мыслями о том, как результаты тестов стали известны начальству до того, как их озвучил он сам. К своему отделу Марк относился как самодостаточной герметичной системе, где он является фильтром, допускающим попадание в систему нужного и выходу из системы полезного. В планах Марка была презентация новой формулы. Но Марк, во-первых, хотел сам контролировать процесс: он хотел сам решать, когда продукт готов к презентации; во-вторых, на текущей неделе он хотел закончить тестирование, чтобы быть полностью уверенным. Марк не считал себя перфекционистом, пусть окружающие настаивают сколько угодно. Больше всего Марка огорчала потеря контроля. Он что-то упустил. В ребятах своих он был уверен, они ничего не могли рассказать. Но как Артур Павлович узнал про новую формулу?

Дверь в отдел без стука открылась, вошёл Артур Павлович. Никита и Злата встали, как школьники, приветствующие учителя. Марк поднял голову и привычным движением откинул волосы назад.

– А что же у нас не праздничное настроение? – немного переигрывая с интонацией сказал Артур Павлович.

Злата с надеждой посмотрела на Марка: может, не всё так плохо? Может, правда надо радоваться и отмечать успех? Это будет замечательно.

Марк встал, направился к руководителю лаборатории, протянул руку.

– Здравствуй, Артур Павлович. Рано праздновать. Ещё не все тесты проведены. Ещё много работы.

– Марк, знаешь, чем ты отличаешься от Била Гейтса в худшую сторону?

Видя доброжелательное настроение Артура Павловича, Никита и Злата заулыбались и вышли из-за спины Марка.

– Не пишу операционных систем? – предположил Марк.

– Нет же! Билл Гейтс взял почти готовую операционную систему, Windows 98 называлась, и презентовал её публике. Говорит: «Скоро начнём продавать». Но во время презентации операционка у него повисла. Прямо перед публикой! Представляешь? В зале шум, свист, смех. Все поняли, что он показывает им полуфабрикат. Понимаешь?

Марк кивнул.

– И что сделал Гейтс на следующий день? – спросил Артур Павлович, ожидая ответа.

– Уволил разработчиков? – предположил Марк.

– Вот! Именно! Именно этим ты и отличаешься от Гейтса. На следующий день он стал продавать полуфабрикат за настоящие деньги.

– Зачем? – искренне удивился выходке Била Гейтса Марк.

– Как зачем, Марк? Начали поступать деньги. На эти деньги программисты Microsoft доработали Windows 98, и он стал тем, кем стал, а мы с вами вчетвером сидим на стене второго еврейского кладбища и отгораживаемся от солнца ладонями.

Никита и Злата непонимающе переглянулись. Какое еврейское кладбище? Почему второе? О чём он вообще?

– Артур Павлович, я так не умею. Я должен быть уверен в продукте. Так нельзя. Это химия, а не «крестики-нолики».

– Единички и нолики, раз уж на то пошло. Совершенства нет! Оно недостижимо и часто не требуется нашим потребителям. Давай, хвались! Покажи результаты тестов.

Марк жестом пригласил руководителя пройти к противоположной стене отдела, к шкафу, где хранились образцы. Всё складывалось замечательно для Артура Павловича. Марк аккуратно заполнял журнал. Все тесты и все изменения формулы жидкого мыла были зафиксированы. Любой химик сможет по этим записям повторить мыло. Даже высшего образования не требуется.

– Как по-твоему, что именно этот вариант мыла сделало популярным у техничек?

– У техничек? – Марк понял источник утечки информации. Вот кто слабое звено! – Мы проверяли гипотезу о влиянии одного гормонального препарата... Пока это гипотеза, но думаю, это влияние гормонов. И, как вы понимаете, нужны дополнительные тесты.

– Препарат из нашего хранилища? Противопоказания и побочные изучены и описаны?

– Да.

– Вот и хорошо, – Артур Павлович с облегчением вздохнул. Если они, нарушив инструкции, начали работать с препаратами извне, то этот вариант мыла нельзя показывать акционерам. – Какие у тебя планы?

– Закончить тесты и докладывать, – спокойно сказал Марк.

– Кому? – уточнил Артур Павлович.

– Как кому? Вам.

Марк пожал плечами. «Ну, уже прогресс», – подумал Артур Павлович.

Когда утром следующего дня Марк вошёл в отдел, там уже находилась Ирина, секретарь руководителя Лаборатории, и о чём-то мило беседовала со Златой. В ответ на удивленно поднятые брови Марка Ирина сказала, что ждёт его и что Артур Павлович просит сразу же пройти к нему.

Ирина встала, показав этим, что она ждёт и что они пойдут к шефу вместе. Марк положил свой рюкзак рядом с рабочим столом, кивком поздоровался со Златой, за руку с Никитой. Встал рядом с Ириной. Заложил руки за спину.

– Ну, сопровождай.

– Оч смешно, – закатив глазки сказала Ирина и вышла из кабинета.

Марк последовал за ней.

– Какие планы? – спросила Ирина.

– На выходные? – уточнил Марк и слегка удивился: их отношения с Ириной не предполагали такие вопросы.

– Нет, вообще? Тебе нравится место работы? Всё устраивает? Задачи, Масштаб?

– Есть предложения? Ты тайный агент конкурентов? – парировал Марк.

Они вошли в приёмную. Ирина сразу открыла дверь в кабинет шефа, пропустила Марка и, находясь у него за спиной, глядя в глаза Артура Павловича, отрицательно покачала головой. Шеф понимающе кивнул.

Работа секретаря – стать руками, плечами, глазами, ушами шефа. Нужно знать его мысли. Нельзя угадывать! Нужно знать наверняка. Чтобы знать наверняка, нужно жить его служебной жизнью. А если начальник поручает что-то вне работы, то нужно жить жизнью начальника.

Идеальный секретарь сначала становится тенью начальника, а потом... Потом как повезёт. Но секретари редко сами становятся начальниками: им всё же нужен кто-то, вокруг кого они могут создать атмосферу, кому они могут добавить рук, глаз и ушей. Ирина уже много лет назад поняла задачу секретаря – стать продолжением шефа – и приняла эту роль. Она могла принимать решения за Артура. Её решения всегда будут такими, какие примет сам Артур Павлович. Как странно: даже если секретарь может легко заменить шефа, он – шеф – все равно ему нужен. Без шефа секретарь нежизнеспособен. «Мистика какая-то», – подумала Ирина. В ситуации с Марком и его жидким мылом Ирина не понимала возникшего драматизма. Отдел создал хороший продукт с замечательными перспективами на рынке. В конце концов, Лаборатория существует именно для этого – чтобы её отделы время от времени создавали то, что можно продать с прибылью. В чём сложность? А судя по поведению Артура Павловича, сложность была нешуточной. «Скоро и это прояснится», – решила Ирина и закрыла дверь.

Артур Павлович встал из-за стола и перешёл в уголок, где стояли кожаный диван, два глубоких кресла и чайный столик. Артур Павлович сел в любимое кресло, взял со столика бутылку воды, открыл её и налил в свой стакан. Посмотрел на Марка: «Будешь?»

– Спасибо, – отказался Марк.

– Марк, я посмотрел результаты. Помощники всю ночь тестировали новую формулу. Знаешь, ты – гений. Мы заработаем с тобой кучу денег. Тебя ведь интересуют деньги?

– Интересуют, – ответил Марк нерешительно.

– Понимаешь, порядок презентации новых разработок сложный. Если мы пойдём обычным путём, то новая формула дойдёт до акционеров в следующем году. Знаешь сам: проблема крупных компаний – их неповоротливость. Зато, когда они повернутся, тогда их не остановить.

– Что это значит? – Марк не понимал, куда клонит руководитель.

– Смотри: сначала ты должен подать заявку на меня. Я проверяю результаты тестов и, если считаю, что продукт достоин внимания акционеров, направляю им. Они вставят в график, и через несколько месяцев они рассмотрят предложение. Оно им понравится, тут вопросов нет, но мыло будет запущено через год. Мы с тобой год потеряем.

– Но есть варианты, как я понимаю.

– Вариант такой. Ты соглашаешься, что автором разработки являюсь я. Ты соавтор и ближайший помощник...

Марк сделал движение, словно собрался встать и уйти.

– Подожди, дослушай. Я понимаю, что ты чувствуешь и что хочешь сказать. Как, по-твоему, делается карьера в Корпорации? Думаешь, руководители пропускает наверх своих лучших и умных подчинённых? Зачем мне пускать тебя к акционерам? Чтобы потерять своё место? Дай мне десять минут, и я расскажу тебе, как устроена жизнь. Потом, если захочешь, можешь рассказать, как устроена химия.

Марк опустил голову и сжал кулаки.

– Сказать, как видят нашу Лабораторию акционеры?

– Скажите.

– Когда они о ней думают или говорят, то перед глазами у них три отчёта и моё лицо. Они знают, сколько проектов ведёт лаборатория, сколько на это расходуется средств, они знают, сколько наших продуктов продаётся и какую прибыль мы генерируем. Они знают фонд оплаты труда. Это всё. Про тебя, даже если ты гений, никто не знает. Твоего имени нигде нет. Руководитель отдела 303. Это строка в ведомости на зарплату.

– Понятно.

– Вот и хорошо. Понимаешь, рано или поздно такой разговор приходится проводить с каждым начальником отдела. Как только вы начинаете думать, что представляете какую-то ценность. Но нет. Ценность тут представляю только я. И не потому, что я химик. А потому, что

я могу организовать процесс, когда химики могут выполнять план по разработкам. Думаешь, корпорации нужно твоё мыло? Знаешь, что будет, если формула исчезнет?

– Что? – голос Марка дрогнул. Его охватывал гнев.

– Ничего. Ровным счётом ничего. Если нам повезёт, то через 50 лет другой химик создаст нечто подобное. Но в общей картине это мало что будет значить. Корпорация сначала заработает чуть меньше, потом чуть больше. Понимаешь? Это для тебя важно, для меня. Для Корпорации – тьфу, и забыли. Точнее никогда не знали.

Артур Павлович откинулся в кресле, сделал глоток воды, посмотрел на стакан.

– Я предлагаю тебе лифт. Акционеры уже прилетели. Завтра-послезавтра я буду выступать с презентацией. Могу спешно вставить наше мыло в презентацию этого года и получить одобрение.

– Уже наше?

– Как ты не поймёшь: оно с самого начала не было твоим. Всё, что ты сделал в этих стенах, принадлежит Корпорации. Попробуй продать формулу – и тебя засудят так, что потеряешь и свободу, и профессию, и всё, что у тебя есть. А когда освободишься, то адвокаты Корпорации будут ходить вместе с тобой по собеседованиям и всем твоим возможным работодателям оставлять копию уголовного дела. Тебе это надо? Корпорация купила и меня, и тебя. Но мы можем вместе стать богатыми. Премия пополам. Я – автор, ты – соавтор. Можешь поверить: ты не первый, кто на такое согласится, и не последний.

– Мне надо подумать.

Вообще-то Артур Павлович ничем не рисковал. Марк аккуратно записывал все тесты в журнал, всё эксперименты протоколировались. Повторить по его записям сможет кто угодно. Сказать по правде, Марк не нравился Артуру Павловичу. Неуправляемый, не признаёт авторитета руководителя, создал в своём отделе секту. Да, гений, вопросов нет. Но ждать его следующего гениального открытия и терпеть дрянной характер следующие четыре года? Зачем? Может быть, даже лучше, если Марк не пойдёт на сделку.

– Нет, из кабинета ты можешь вернуться в отдел, если согласишься. Если нет, то служба безопасности выведет тебя за ворота и больше ты не войдёшь в это здание, – спокойно и уверенно сказал Артур Павлович.

Марк не поверил своим ушам и удивлённо посмотрел на руководителя.

– На каком основании вы меня уволите?

– Выгляни в приёмную.

Марк нерешительно встал, обернулся на Артура Павловича.

– А что там? – Марк кивнул на закрытую дверь.

– Посмотри.

Марк подошёл к двери. Взялся за ручку. Посмотрел на руководителя Лаборатории и открыл дверь. В приёмной, возле стола секретаря, стоял начальник службы безопасности местного филиала Корпорации. Начальник службы охраны. Три сотрудника службы охраны. Все весело и непринуждённо общались с Ириной. Судя по всему, только что был рассказан очередной анекдот или история из жизни.

Все присутствующие повернули головы к открывшейся двери. Марк не видел в сотрудниках службы безопасности агрессии или неприязни. Их позвали выполнить работу, и они её выполняют. Ничего личного. Марк закрыл дверь и вернулся в кабинет.

– Формулировка будет: «Систематическое нарушение режима безопасности работы». Начальник охраны предложил. Скажу по секрету – с больш-и-и-и-м энтузиазмом.

– Я не могу принять Ваши условия. Я автор формулы. Мы с ребятами полгода жили в лаборатории. Это всё мелочи? Не отдам Вам нашу формулу. Не могу предать себя и не хочу предавать ребят.

– Подожди ты, какое предательство? Не горячись. В конце концов, ты – грек, а не кавказец. Нет никакого предательства. И ребята тебя поймут. И премию они получают, и будут ценить тебя пуще прежнего.

– Нет, я не пойду на сделку.

– Ну решил и решил. Мне просто интересно: почему? Я предлагаю тебе разделить награду. Все начинающие учёные делят свои открытия с учителями. Так заведено. Потом, через десять лет или чуть меньше, станешь начальником этой лаборатории и станешь поступать также. А если выяснится, что играешь по своим правилам, что не способен к компромиссу, то начальником Лаборатории не станешь никогда. И твоя гениальность тебе не поможет. Играй по правилам – это всё, что я тебе предлагаю. И если ты раньше не знал, что надо делиться успехом со старшими, так я теперь тебе всё простым языком объяснил. Не понять нельзя. И только потому, что ценю, искренне ценю твой талант. Решай, мне другими делами надо заниматься.

– Мне нужно подумать, – сказал Марк. Он сжимал челюсти так, что желваки буграми ходили на его бледных скулах.

– Хорошо. Сиди здесь и думай. Минут десять у тебя есть. Из этого кабинета ты выйдешь или соавтором, или безработным.

– Можно в отдел пройти?

– Нет. Отдел уже закрыт и опечатан.

– Где сотрудники? – встревожился Марк.

– Они в отделе персонала ждут твоего решения. Если ты согласишься, то отдел будет открыт, и вы продолжите работу как ни в чём не бывало. Если не согласишься, то они тоже будут уволены. Сегодня.

– Их за что?

– Им не повезло оказаться рядом.

– То есть они в курсе, что меня тут... прогибают. И если я вернусь, то значит прогнулся, – сказал Марк.

– Я даже не понимаю, о чём ты. Это просто работа и соблюдение правил. Ты мне про какие-то амбиции, гордыню, обиды. Я, думаешь, не прогибался? Слава Богу, эта должность досталась не через постель, и уже хорошо. А что приходится выбирать сторону того, кто сейчас сильнее – это нормально. Не согласен?

– Это не по мне.

– Ну как знаешь. Принял решение? – было похоже, что Артур Павлович испытал облегчение.

Марк встал, собрался с мыслями.

– У меня в отделе рюкзак остался.

– Тебе вернут его. Проверят, чтобы ты не вынес ничего, что принадлежит Корпорации. Прощай.

Марк хотел что-то сказать и понимал, что всё, что он может сказать, бессмысленно. К чему взывать – к совести? К справедливости? Артура Павловича на это место поставили не для того, чтобы справедливость восторжествовала. Сказать, сколько труда вложено? Зачем ему эта история. Что она изменит? Марк был уверен, что с кем – с кем, но с ним такого не случится. Он, вероятно, лучший химик в Лаборатории. Они улучшили несколько продуктов. Да, предыдущие формулы были слабее. Последняя попытка идеальна. Найден верный баланс: мыло легко очищает поверхности и не сушит кожу. Кто-то скажет – дело случая, но Марк шёл к этому результату полгода. И подарить всё этому упырю? Нет, Марк не сможет себя уважать, не отдаст своего авторства. Нечего тут больше делать. Не прощаясь, Марк подошёл к двери. Взялся за ручку, открыл дверь. Стоя на пороге, обернулся. Артур Павлович поднял голову.

– А знаете, я вот теперь понял, что сделаю. Я выведу вас на чистую воду. И все будут знать, что Вы сегодня украли. И Вы пожалеете. Обещаю, – сказал Марк, стараясь сохранить спокойный и уверенный тон.

– Не угрожайте, молодой человек, или придётся применить силу, – сказал руководитель Лаборатории и вернулся к работе с документами.

Марк вышел. Осмотрелся в приёмной. Ирина смотрела на Марка с каким-то слабо уловимым сожалением в глазах. Начальник службы безопасности сделал шаг к Марку.

– Пройдёмте с нами, Марк Романович.

– У меня в отделе рюкзак.

– Он уже на проходной, мы вернём Вам ваши вещи.

Приехав домой и немного успокоившись, Марк вполне осознал произошедшее. Планы рухнули в один момент. Всё. Свершившийся факт.

Марк возвращался к разговору с начальником и не видел возможности принять предложение. Если отдать своё одному, потом другому, что себе останется? И это для Марка было невыносимо. Да, формула жидкого мыла принадлежит Корпорации. С этим Марк согласен. Но он не может принять, что в строке «автор» будет стоять фамилия Артура. Он не жадный; здесь другое. Он не способен отдавать своё. Пусть заберут формулу, но пусть признают его авторство. И Марк решил, что докажет своё авторство и восстановит справедливость.

Марк зажёл газовую плиту, поставил на неё чайник, погрузился в свои мысли. Сидел, уставившись в одну точку. А кипящий чайник едва не подпрыгивал на плите. Наконец Марк встал, выключил чайник, выбрал самую большую кружку. Насыпал ложку заварки, но забыл налить кипятка. Так и сидел, держа в крупных ладонях большую пустую чашку.

Корпорация давала лучшие возможности для профессионального развития. Таких бюджетов на исследования, на обучение не бывает ни в одном университете страны. Марк, конечно, читал про Менделеева и про козни современников, но сейчас казалось, что Дмитрию Ивановичу было проще.

Марк убеждён в правильности своего решения. Он обязан отстаивать свою собственность. В данном случае собственность – авторство разработки. Ни при каких обстоятельствах нельзя соглашаться на кражу. А как следует понимать предложение Артура? Кража. И поощрять или соглашаться на кражу недопустимо.

– Это – моё, – тихо сказал Марк. Это означало: Марк не постоит за ценой и не отдаст принадлежащее ему. Такой он человек.

Марк не знал, что он чувствует по поводу увольнения. Ему всегда было тяжело осознать свои чувства. Временами, когда в его присутствии люди говорили, что их переполняет радость, или сжигает страсть, или что-то подобное, Марк думал, что это такая форма речи. Ну, так принято говорить, и люди говорят. Сам же Марк такого не чувствовал. Он всегда был спокоен, собран, уравновешен. Из всех чувств Марк верил в реальность чувства юмора. Он замечал забавное и весёлое и даже иногда шутил сам. Остальное – выдумки поэтов и романистов, которым иначе не о чем писать. Никита и Злата сказали, что огорчены из-за увольнения. Так и сказали: «Нам жаль». Что такое «жаль»? «Надо будет как-нибудь выяснить», – подумал Марк.

Случись Марку облекать в слова своё нынешнее состояние, он сказал бы: «Справедливость должна быть восстановлена». Снова ни слова о чувствах; только то, что должно быть сделано. Хотя иногда Марку казалось, что у него есть чувства. Просто он не привык их проявлять публично. Он не знал, как правильно выражать чувства словами. Девушки, с которыми Марк оставался наедине, удивлялись, настолько Марк холодный и чёрствый. Да, комплименты не его жанр, тут уж ничего не поделаешь.

Марк снова подумал про случившееся. Предложи Артур снова сделать выбор: соавторство или увольнение – Марк снова не отдаст своё. Он не претендовал на формулу жидкого мыла, он настаивал на авторстве. «Это – моё».

У Марка немного друзей. Он поддерживает отношения с ребятами из группы. Даже с некоторыми одноклассниками раз в три года созванивается. Может быть, Марк чаще посещал бы тусовки и вечеринки, не будь там смертельно скучно. Присутствующие снова будут говорить, что они купили, кого они видели, что они слышали. Вот химия, работа действительно вдохновляли Марка. Желание создать нечто такое, что люди запомнят его. Вот это да, будет очень здорово.

Марк решил повторить формулу жидкого мыла в домашних условиях. В принципе, ничего сложного. Нужно будет купить ингредиенты. Часть продаётся в магазинах. Есть даже интернет-магазины, продающие ингредиенты для изготовления мыла в домашних условиях. Гормоны Марк купит в аптеке, возможно, придётся использовать аналоги.

Марк снова вернулся к мыслям о произошедшем. В чём его ошибка? Чего он не предусмотрел? Марк делал ставку на то, что Корпорация нуждается в профессионалах, способных создать принципиально новый продукт. Он хотел за пять лет сделать имя и пойти в науку, чтобы заниматься медициной. Это самый короткий путь к известности, деньгам, влиянию и, конечно, к премии. Кто не хочет получить премию, кто не имеет амбиций планетарных масштабов? «По моему мнению, – думал Марк, – если ставить цели, то вот такие, глобальные.» Сегодня его планам пришел конец. Больше всего Марка смутила скорость принятия решения Артуром и то, как оперативно он всех уволил и сразу изолировал отдел. «Что он будет делать с моей формулой? Выдаст за свою?»

Конечно, он выдаст формулу за свою и никто его не обвинит во лжи, ведь все осведомлённые или уволены, или на его стороне. Лжецы торжествуют.»

Зазвонил мобильник. На экране написано: «Никита».

– Привет, Ник. Слушай, хотел собрать мозги со стен и пола, помыть их и позвонить тебе и Злате. Ты мог себе такое представить? – начал Марк.

– А что вообще произошло? Мне показали видеозаписи. Сказали, что я нарушитель режима безопасности. Что у меня выбор: или уголовное дело, или увольнение по собственному желанию. Что случилось? Я не понял, как оказался на улице. Вроде, две недели надо отрабатывать. Что это было?

– Артур решил присвоить нашу работу себе. Он предложил мне отдать ему авторство. Он – автор, я – соавтор. Слава ему, деньги пополам.

– Ты отказался?

– Само собой, – сказал Марк, удивившись самому вопросу.

– Возможно, ты ошибся. Это предполагалось с самого начала. Подчинённые своими трудами лепят статую начальника. Мы со Златой – твою. Ты и другие начальники отделов – статую Артура. Он работает над статуей директора филиала. Как ты как хотел?

– Может, и ошибся, но я так не могу. Я всю жизнь буду казнить себя за эту низость.

– Да где низость, Марк? Ты где родился и рос, что таких вещей не знаешь? Где таких собирают, где та фабрика? Она работает по чертежам прошлого века. Время другое, – с заметными нотками обиды сказал Никита. – Что теперь будешь делать?

«Наверное, он хотел спросить: ”Что нам теперь делать?”» – подумал Марк.

– Я выведу Артура на чистую воду. Докажу, что продукт наш, мы авторы.

– Да кому нужны твои доказательства?! Думаешь, руководитель филиала будет тебя слушать? Или надеешься, что тебя пустят к акционерам? Только в конец загубишь свою репутацию. Сейчас тебя знают как талантливого и подающего надежды химика. Ну, тяжёлый характер и болезненная принципиальность – у всех свои недостатки.

– Я понимаю, что ты обижаешься на меня. Я виноват в том, что тебя и Злату уволили. Но я не могу предать себя. Это не обсуждается.

– Ну, ок. Будь здоров. Звони, не пропадай, – сказал Никита таким голосом, словно у него был какой-то план на разговор, но план провалился.

Марк набрал телефон Златы, но она не ответила на звонок. «Перезвоню позже», – подумал Марк и решил прогуляться по набережной, попробовать уложить в голове происходящее. Он найдёт другую работу, но это будет означать, что он сдался, что его победили. Марк не хотел мириться с поражением. Он повторит формулу в домашних условиях. Это будет несложно. Он соберёт нужное оборудование, найдёт химикаты. Когда он предъявит владельцам компании доказательство, что жидкое мыло – его детище, они будут вынуждены признать его авторство. Уволят Артура и, если Марк будет правильно вести переговоры – предложат вернуться и возглавить отдел. Такими специалистами не разбрасываются. За следующие пять лет он создаст ещё много прорывных продуктов. Корпорация заработает миллионы. Что-то перепадёт Марку и команде. Марк был уверен, что Никита всё поймёт и простит Марка за принципиальность. Но по-другому нельзя. Надо жить так, чтобы уважать себя. «Нельзя потерять уважение к себе и жить как ни в чём не бывало», – думал Марк и не успокаивался. Он сможет создать точную копию жидкого мыла в своей домашней лаборатории. У него есть сбережения. Часть он потратит на оборудование. Часть на поддержание штанов до торжества справедливости. Он не будет искать другую работу. Отсутствие работы Марк сделает стимулом для скорейшей победы над Артуром. Он докажет! Он сможет.

Глава 2

Зазвонивший телефон разбудил Марка. Марк, не открывая глаз, нащупал телефон, ткнул в экран, поднёс телефон к левому уху и положил голову на телефон, рискуя снова уснуть.

– Кто, – хрипло сказал Марк.

– Марк, я разбудил тебя? – спросил Никита.

– Нет, кто это? – повторил Марк, засыпая.

– Марк, просыпайся. Это Никита, помнишь?

– Никита? Какой Никита?

– Марк, не смешно. Мы к тебе в гости собрались.

Марк сел на диване, осмотрелся по сторонам.

– Не надо в гости. Я не принимаю, – Марк почесал бороду, – Какой сегодня день?

– Марк, суббота. Ты как там? Злоупотребляешь?

– Нет. Какой число?

– Марк, мы будем через час. Будем стучать в дверь, пока не откроешь, – сказал Никита и отключился.

Марк встал и посмотрел на часы на экране телефона. 12:32. Пошатываясь и обходя кучи мусора на полу, пошёл в ванную. Через десять минут вышел из ванны мокрым и голым, с широким полотенцем на бёдрах. Стал собирать с пола всё подряд, не сортируя, и закидывать в полиэтиленовые пакеты из соседних магазинов. Носки, бутылки из-под пива, флаконы из-под химикатов, газеты, футболки – всё вместе. Наполненные пакеты Марк складывал на балконе. Когда показался пол квартиры, Марк взял швабру и протёр пол, не стремясь навести чистоту, а лишь желая показать, что он готовился к визиту непрошенных гостей.

Марк зашёл на кухню. Последние две недели эта комната была переоборудована в химическую лабораторию. Марк постоял в дверях кухни, затем попятился, вышел и плотно закрыл дверь. Он приблизился к тому, чтобы повторить в домашних условиях последнюю формулу жидкого мыла, ставшей причиной увольнения всего отдела. Марк бился над абсолютной схожестью. Только так он сможет доказать руководству Корпорации, что автор он, а не Артур Павлович. Марк пока не нашёл способа выйти на акционеров. Но и сейчас, и раньше он привык решать задачи по мере поступления. Всегда остаётся вариант написать открытое письмо в соцсети: если публика поддержит репостами, то у акционеров не будет выхода и кто-то от их имени свяжется с Марком. А дальше всё понятно: встреча, тесты, служебное разбирательство и торжество справедливости. Простой план.

Марк снова зашёл в ванную и посмотрел на себя в зеркало. Может быть, стоит сбрить бороду? Хотя она уже достаточно отросла, чтобы походить на хипстерскую. Это дней пять назад она была похожа на бороду алкоголика, ушедшего в глубокое пике запоя, а теперь – очень даже ничего. «Будут деньги – схожу в "барбершоп", сделаю модную стрижку.» Марк взял расчёску и стал придавать бороде вид запланированной, ухоженной растительности. Расчёсывая бороду, Марк заметил на обеих щеках, прямо на выпирающих косточках глазниц, два красных пятнышка. Слева и справа. Симметричные и одинаковые пятнышки на правой и левой щеке. Пятна частично были прикрыты бородой.

«Когда они появились?» – подумал Марк. «Связано это с моими опытами? Аллергия?» Марк прислушался к себе. Головной боли нет, затруднённого дыхания нет. Живот мягкий. Марк потрогал живот. Мягкий и безболезненный. «Ерунда, пройдёт», – подумал Марк и пошёл на кухню, чтобы открыть форточку и проветрить квартиру. В дверь позвонили. Марк направился к двери, но потом заметил, что он всё ещё одет в полотенце.

– Уже иду! – крикнул Марк в сторону входной двери. Взял из комода домашние штаны, футболку, торопясь и подпрыгивая на одной ноге, начал одевать и штаны, и футболку одновременно. В дверь позвонили.

– Иду! – крикнул Марк. Взял с полки трусы. Посмотрел на надетые штаны, положил трусы на место.

За дверью стояли Никита и Злата.

– Ты не сказал, что будешь не один, – поприветствовал гостей Марк.

– И мы рады встрече, – сказала Злата, прошла в квартиру первой, чмокнула Марка в щёку. Когда была подчинённой, такого себе не позволяла, а теперь – можно.

Никита показал Марку правый локоть.

– Ты чего? – спросил Марк.

– Теперь локтями здороваться принято. Ты не в курсе?

– Как это? – не понял Марк.

– Пандемия, – неуверенно сказал Никита.

– Всё ещё продолжается? – недоверчиво спросил Марк и поморщился от боли в желудке.

– Что ты! Такие страсти! – Никита старомодно протянул руку, Марк пожал её.

– Проходите, раз пришли, – попробовал исправить свою ошибку Марк.

Злата уже сняла курточку и в ворохе обуви искала тапки.

– Не ищи, тапок нет.

– Куда? – Злата подняла в одной руке торт, в другой бутылку вина. Злата осмотрелась. Она впервые была в гостях у Марка. Марк жил в однокомнатной квартире. Прихожая была весьма просторной. За какой из дверей была кухня, Злата не смогла догадаться.

– Пойдём в комнату. Я работал допоздна, так что, извините, салатов не сделал, кур не жарил, – Марк взял торт и вино из рук Златы.

– Варвара жарит кур, – пританцовывая, пропела Злата на мотив песни Boney M «Daddy Cool».

– Мы спонтанно собрались, – сказал Никита, поправляя очки.

Марк поморщился: в желудке было некомфортно. Что он такое съел вчера? Или позавчера? Или, когда он там последний раз ел?

Злата прошла в комнату, остановилась посередине и как-то по-хозяйски осмотрелась.

– А ничего так, жить можно.

Марк и Никита прошли в комнату. В дальнем от окна углу комнаты стоял выдавший виды огромный диван. Дивану на вид было лет сто. Кожаный, с такой же кожаной спинкой высотой не меньше, чем полтора метра; спинка завершалась деревянной полочкой, со старым, местами облезлым прямоугольным зеркалом. По бокам дивана были два круглых кожаных подлокотника.

– Чур я здесь! – радостно вскрикнула Злата и с разбега прыгнула на диван. Уже в полёте она поняла, что диван может не выдержать её хрупкое, но подвижное тело. Но диван выдержал.

– Извини, – искренне сказала Злата, – Не смогла удержаться, но больше так не буду, обещаю.

Марк кивнул.

Никита осмотрелся. Кроме антикварного дивана в комнате был рабочий стол. На столе ноутбук, настольная лампа и несколько книг. Рабочее кресло. Три книжных шкафа, комод, старенький телевизор на комод, тумбочка возле дивана, книга на тумбочке и бра.

– Марк, как нам тут рассесться? Давай стол к дивану подвинем.

Марк задумался.

– Марк, кухня там? Я что-нибудь быстренько соображу, – сказала Злата и убежала на кухню раньше, чем Марк успел остановить её.

Марк стоял и думал, как разместить такую ораву гостей.

– Марк, а что это у тебя на кухне? – Злата стояла в дверях комнаты с крайне изумлённым видом.

– Что там? – Никита смотрел то на Злату, то на Марка. – Там женщина?!

– Женщине я не удивилась бы, – задумчиво протянула Злата.

– Лаборатория, – сказал Марк.

– Really? – удивился Никита и, протиснувшись между Марком и Златой, пошел на кухню. Злата пошла за ним. Марк оставил на диване торт и бутылку вина и направился следом.

Никита и Злата стояли посреди кухни и недоверчиво смотрели на переплетение колб, трубок, конденсаторов.

– Марк, ты чёртов маньяк. Не смей получать Нобелевскую без нас со Златой. Что синтезируешь? Дурь? – Никита взял колбу с жидким мылом. Посмотрел на свет. – Я знал, что ты выкинешь нечто подобное. Ты в курсе? Если Корпорация узнает, что ты делаешь мыло по её рецептуре, тебя засудят.

Злата взяла указательный палец и мизинец правой руки Марка своей левой и правой рукой и дергала руку, требуя от Марка ответа. Марк словно не замечал этого требования.

– Теперь, после того, что вы здесь увидели, я должен буду растворить вас в ванной. Женщины вперёд, – сказал Марк.

– Девушка! – уточнила Злата.

– Девушки вперед, – сказал Марк, освобождая правую руку и касаясь своего живота.

– Марк, что это? – спросил снова Никита.

– Бери стул, пошли в комнату. Всё расскажу, – сказал Марк.

– Марк, тебе идёт борода, – сказала Злата. Встала на цыпочки, внимательно рассмотрела бороду на светлой кухне. – У тебя на щеках раздражение. Дать крем? Очень хорошо снимает раздражение.

– Потом обсудим. Пойдемте в комнату, пока вы тут мне все не поломали.

Марк прошёл в комнату. Злата и Никита по дороге заглянула в ванную комнату. Наконец, все собрались. Марк и Злата уселись на диване. Никита на стуле. Тумбочку освободили от книги и поставили на неё торт и бутылку вина.

– У тебя в холодильнике однакапуста, – сказала Злата, – Хочешь, я сбегаю, куплю еды? Мне правда не сложно.

– Капуста? – удивился Марк и посмотрел в сторону кухни.

– Не капуста, а однако пусто. Однакапуста.

– А, понял. Слушай, я ещё в те времена хотел спросить: что за мужчина тебе привил чувство юмора? – спросил Марк серьёзно.

– В смысле привил? Что за мужчина? – не поняла Злата вопроса.

– Ну, есть теория, что от рождения у женщин нет чувства юмора. И если некоторая девушка или женщина обладает чувством юмора, понимает шутки и смеётся над анекдотами, сама шутит, то это только потому, что в её жизни был мужчина, прививший ей чувство юмора. То есть мужчина может родиться с чувством юмора, а женщина может только подцепить его от какого-то мужчины.

– Да ну тебя, дурак. Сексист, – сказала Злата, легонько хлопнула Марка по предплечью. В прежние времена, до увольнения, Злата, Никита и Марк общались по-простому. По-товарищески. Шутили и прикалывались друг над другом, но такой фамильярности и тем более телесного контакта не было.

– На что ты вообще живёшь? – спросил Никита.

– Открыл ИП, счёт в «Точке». Предприниматель я теперь, – сказал Марк.

– Не поняла, как в точке можно открыть счёт? – спросила Злата и посмотрела на Марка, потом на Никиту.

– Легко, – сказал Марк.

– Точка – это же... – начала Злата.
– Нет, «Точка» – банк для предпринимателей, – закончил Марк.
– Ну так что? – спросил Никита. – Фужеры не спрашиваю – стаканы в доме найдутся?
– Открывай бутылку, сейчас принесу, – сказал Марк, направляясь на кухню.
– И штопор! – крикнул ему вслед Никита, – говорил тебе, надо было водку брать. Спорим, штопора не будет?

– Я тебе сказала. Я не такая! Я трезвая водку не пью.

– Так что за мужчина привил тебе чувство юмора, а водку пить не научил? – спросил Никита.

Марк пришёл из кухни со штопором и тремя разнокалиберными стаканами. Никита не с первой попытки открыл бутылку. Посмотрел бокалы на свет.

– Смертник, – прокомментировала действие Никиты Злата. – Сомневаться в идеальной чистоте посуды у Марка – рискованно. Нет, скорее, просто глупо.

– Школа, – парировал Никита. – Химик должен верить таблице и своим глазам.

Марк улыбнулся, взял бокал с налитым вином, поднял его: «Ну, за встречу!»

– За встречу, – повторили гости.

Выпили по глотку.

– Рассказывай, что ты тут химичишь? Какие планы? – спросил Никита.

Злата забралась на широкий диван с ногами, села по-турецки, откинулась на спинку.

– Хочу доказать, что формула наша, что Артур – обманщик, украл у нас и авторство, и премию, – сказал Марк.

Никита кивнул.

– Думаешь, это кому-то интересно? Кто-то захочет или даже согласится слушать?

– Я должен это сделать, – сказал Марк.

– А что за раздражение у тебя? Ты себя нормально чувствуешь? У тебя на кухне нет вентиляции. Сам химикатами надышишься и соседей потравишь, – поинтересовалась Злата.

– Нормально всё, – Марк поднял бокал и сделал снова глоток. – Спасибо, что пришли.

– А когда ты ел? – не унималась Злата.

– Сегодня, – сказал Марк, и желудок предательски свело. От неожиданности Марк поморщился.

– Врать не научился, – констатировала Злата. – Ты как хочешь, но я от тебя не уйду, пока не приготовлю суп и котлеты. Ешь котлеты?

Марк посмотрел на Злату.

– Я недавно котлеты ел в Макдональдсе! – обрадовался Марк тому, что вспомнил всё-таки один из недавних приёмов пищи.

– Позор, – спокойно, но с чувством сказал Злата.

– Насколько ты приблизился к нашему составу? – спросил Никита.

– В смысле формулы – на 100%. Но теперь оказывается, что в нашем последнем варианте была какая-то магия, и я не могу её повторить. Может Злата плохо мыла пробирки и колбы, как считаешь? – Марк хотел перевести разговор в более шуточную плоскость.

– Клевета! – сказала Злата.

– Ты не поняла. Сейчас, возможно, этого-то и не хватает. Соглашайся мыть пробирки и мой их так же, как в лаборатории. Может, всё дело не в гении Марка, как мы думали, а в твоём способе мыть посуду, – сказал Никита.

– А, в этом смысле! Я готова выслушать предложение, – кивнула Злата, и густые, рыжие, волнистые волосы до плеч прошлись красивой волной.

Никита плеснул в стаканы по глоточку вина. Марк ушёл на кухню и вернулся с ножом.

– Надо торт есть, – сказал Марк, передавая нож Никите.

– Аппетит проснулся? – спросила Злата.

– Вы как? Работаете где-то? – не ответил Марк на вопрос Златы.

– Злата в онлайн-школу пошла, репетитором, – сказал Никита.

Марк посмотрел на Злату.

– Ты – химичка? – удивился Марк.

– Можешь себе представить, – со вздохом сказала Злата.

– Уже ненавидят? – спросил Марк.

– Мои ученики нормальные, они ненавидят «химичек» по определению.

– Ну и как ты? – не унимался Марк. Он не мог представить Злату репетитором, учительницей.

– Держусь из последних сил, – серьёзно сказала Злата.

– И это после четырёх рабочих дней, – резюмировал Никита.

Марк поморщился от боли в желудке.

– Вообще-то дней было пять. Можно даже сказать, пять с половиной.

Марк снова поморщился и невольно потёр живот.

– Марк, ты чего? Желудок? – Злата встала с дивана, взяла стакан с вином из рук Марка, выпила из него остаток вина. – Я в магазин. Сейчас будешь есть кашу. Не смей пробовать торт: если у тебя гастрит, то будет только хуже. Никита, не наливай ему. Просто сидите и музыку слушайте. Или вон, телик включите; может, там конец света и вы отвлечётесь минут на двадцать. Где продуктовый, Марк?

– Из парадной направо, следующий дом.

– Из парадной? – переспросила Злата.

– Из подъезда.

Утром Марк проснулся и, не открывая глаз, принялся вспоминать вчерашний день. После того, как Злата вернулась из магазина и вновь переоборудовала лабораторию в кухню, они втроём ещё долго сидели, обедали, потом ужинали и разговаривали, разговаривали... Марк заново открыл для себя своих бывших подчинённых. Он подумал, что не будь конфликта и увольнения – их отношения так и оставались хоть и дружескими, но формальными и отстранёнными. Это были такие показательные товарищеские отношения, когда люди не интересуются друг другом глубоко, но, раз принято улыбаться и спрашивать: «Как дела?» – улыбаются и спрашивают. Тогда, в прошлой жизни, до увольнения, Марка вполне устраивали такие отношения, но теперь, после целого дня смеха и разговоров с бывшими коллегами Марк понимал, каким фальшивым было прошлое.

Марк впервые рассказал Никите и Злате, своим новым друзьям, свою тайну. Марк – далёкий потомок графа, греческого стратега. А уже если начистоту, по семейному преданию в его жилах течёт кровь самого Александра Македонского. Это не позволяет ему склонять голову перед такими ничтожествами, как Артур Павлович. Марк – потомок, хотя и далёкий потомок Александра Великого – не уступит врагу. Он уничтожит его. Про родителей Марк отказался говорить, вернув разговор к древней Греции.

Под расспросами Златы Марк рассказал, как буквально чувствует взгляд своих предков по мужской линии, когда встаёт перед важным решением. Марк сказал, что принимать решения на виду у предков научил его дед. Когда они смотрят на тебя из глубины веков, когда ты знаешь, что сейчас на тебя смотрит сам Александр Македонский, решения принимать проще и смелодушничать не получается.

Марк признался коллегам, что не знает, как могла сложиться его жизнь, умеет он принимать решения сам для себя; так, словно нет прошлого и не будет будущего. Марк сказал, что знает про концепцию «жить в настоящем», «жить сегодняшним днём», но всегда думал, что это сильно по-скотски. Марк сказал, что не верит в существование людей, живущих одним днём. Потому что если они последовательны, то не запоминают имена не только окружающих, но

даже своих детей. Зачем? Не чистят зубы. Зачем? Не учатся читать и считать. Зачем? Нет, быть не может, что существуют люди, по правде, живущие одним днём. Даже первобытные племена делали запасы. Зато Марк с готовностью соглашался, что полно людей способных и желающих создавать видимость. Наступила эпоха всеобщей видимости. Видимости дружбы, видимости благосостояния, видимости успеха, видимости силы. Кто создал большую видимость, тот и победил.

Марк проникся доверием к своим новым друзьям, когда увидел в них простых людей, не стремящихся создать видимость. Никита, как и прежде, больше самого Марка уверен в светлом будущем Марка и, кажется, искренне готов работать кем угодно, чтобы быть рядом, когда придёт признание. Пока же, чтобы прокормиться, Никита работает в медицинской экспресс-лаборатории. Злата – репетитором в онлайн-школе. Долго она там не продержится. Чтобы работать репетитором, надо быть психологически готовой иметь дело с современными детьми. Тем более химичка. История ещё не знала такой химички, любимой учениками.

Хорошо, что вино кончилось; иначе Марк мог бы поведать друзьям две другие тайны. Но Бог милостив: вино кончилось, и тайны остались сохранёнными.

Весь вчерашний день время от времени желудок сжимался от резкой боли. И Марк решил: если боль сохранится два-три дня, то придётся сходить к врачу. Не то чтобы Марк был мнительным; на визите к доктору совершенно определённо настаивала Злата. Марк заметил все её сигналы и намёки, но пока ничего не решил. Никиту он интересуется как химик. Злату он интересуется в большей степени как женщина. И ей понравилась идея стать графиней. Она об этом высказалась прямо и недвусмысленно, не стесняясь присутствия Никиты. Впрочем, Никита не слепой; то, что видит и понимает Марк, видят и понимают все, кто хочет видеть и понимать.

Марк на прямой вопрос Златы, хочет ли он узнать, какие она готовит завтраки, прямо ответил, что сначала он должен восстановить своё положение. В противном случае этот и ужин, и завтрак будут выглядеть как жалость к проигравшему. Чего он, прямой потомок Александра Македонского, не может позволить.

Была и вторая причина для отказа от завтрака. Марк не знал, как выгонять женщин из дома, если что-то пойдёт не так. Он всё собирался проконсультроваться у более опытных знакомых. Вот останется Злата. Через неделю обживётся. Сделает перестановку. Купит фужеры, коврик в коридор. Тапки для гостей. И всё! Пустила корни. Но ведь отношения могут не сложиться. Марк максималист: или целоваться в дёсны, или – держи социальную дистанцию. Короче, Марку надо всё хорошенько обдумать. Любовь напрасно называют химией; ничего общего с химией у любви нет. В химии, если ты соблюдаешь чистоту и следуешь законам, то гарантировано получишь предсказуемый результат. В любви только на чистоту ты и можешь повлиять – всё остальное хаос и безобразия.

Если честно, то была и третья причина для отказа от завтрака. По неизвестным самому Марку причинам, думая о браке, он с детства представлял, что у него будет династический брак. Возможно, его избранницей будет дочка фармацевтического магната. Да, фармацевтического – это идеально. Можно нефтяного, или дочь владельца IT империи, но фармацевтика как-то ближе. Они поженятся и будут встречаться на приёмах и под Новый год. В другое время Марк будет заниматься химией, а супруга – пилатесом, или как там это у них называется. Марк не был противником сексуальных отношений, не уклонялся от представляющихся возможностей. Однако редко искал их и всегда соотносил, не помешает ли интрижка его движению к мечте. Выбирая между сексом и свежей книгой по химии, мог предпочесть книгу. И ещё не было случая, чтобы Марк выбрал свежую книгу по химии и пожалел.

Никита и Злата ушли вместе. Кажется, оба недоумевали, почему Марк отказался от завтрака. Надо позвонить Злате, поблагодарить за супчик. Объяснить, если получится. Кстати, желудок совершенно не болит, и это хорошая новость.

Марк открыл глаза. Взял с тумбочки телефон, чтобы проверить время. Семь двадцать четыре. Смска от Златы: «Доброе утро, как ты себя чувствуешь?». Смска отправлена двадцать минут назад. Так, сегодня воскресенье. Злата, стало быть, жаворонок. Это плюс. Марк набрал её номер. Злата ответила после первого звонка.

– Привет, нормально себя чувствуешь? Я вчера нашла терапевта. Он желудками занимается. Можно в понедельник к нему попасть на приём.

– Привет, Злата. Всё нормально, желудок совершенно не беспокоит.

– Ты в туалет ходил сегодня?

– Злата!

– Я серьёзно. Как ты можешь знать, беспокоит живот или нет, если ты не был в туалете. Сходи и перезвони мне.

– Злата! Ты чего?!

– Я беспокоюсь о тебе, потому что ты не думаешь о своём здоровье. А ты нужен этому миру. Иди в туалет!

– Прекрати. Не могу понять: ты шутишь, что ли? Или на диктофон разговор записываешь?

– Никаких шуток. Зачем ты вчера выгнал меня? К этому времени съел бы овсянку на воде и рассказал, каким был стул.

– Злата, прекрати говорить про мой стул!

– Ну хорошо. Пообещай, что пришлешь мне цифру от 1 до 5, где 1 – что-то сильно не так, 5 – очень обычный стул.

– Прекрати, сил моих нет с тобой спорить.

– Знаешь, как варить овсянку на воде?

– Дай подумать. Надо в кастрюльку насыпать овсянку, налить туда воду и варить?

– Да. На порцию – три столовых ложки крупы и большой бокал воды.

– Молоко, сливки, сахар?

– Ни в коем случае! Это для тебя чистый яд. Пока не восстановится работа желудка – овсянка на воде без масла, без молока, без сахара.

– Но ведь овсянка без сахара, молока и масла – это мокрый картон. А если не успела остыть, то тёплый мокрый картон.

– Для тебя овсянка – лекарство. Принимать по рецепту.

– Хорошо. Какие планы на выходной? – спросил Марк, желая сменить тему.

– Можно погулять где-нибудь. А вечером – готовлюсь к урокам.

– Предлагай место и время.

Через три часа Марк, нарядный и гладко выбритый, вошёл в вагон метро. Марк пожалел, что побрился. Теперь две симметричные красные точки на его лице сильнее бросались в глаза. Он внимательно изучил эти пятна. Безболезненные – кожа не изменилась – просто покраснения почти идеально круглой формы размером с маленькую монетку. Возможно, чуть ярче, чем вчера. Надо понаблюдать. Желудок совершенно не беспокоил. Овсянка на воде в качестве завтрака – наверное, это не только мерзко, но и правда полезно. Настроение было замечательным. Что не говори, а он едет на свидание.

В вагоне метро Марк стоял возле двери; у него за спиной стояли двое. Мужчина и девушка. Марк заметил их, когда заходил в вагон. Почему-то подумал: «Не отец и не дочь». Поезд остановился на станции. В вагоне стало тихо, и Марк услышал очередную фразу их разговора.

– Я же сказал, что разберусь с этим вопросом до конца месяца. Ты не веришь, что ли? – с жаром сказал мужчина.

Желудок сжался от боли.

«Что такое опять?» – подумал Марк. – «Придётся идти к доктору».

– Верю, – сказала девушка.

«Она не верит ему», – почему-то подумал Марк. Потом подумал: «Какое мне дело! У меня серьёзные проблемы с желудком. Идти в районную поликлинику или к платному специалисту?»

Желудок отпустило. Следующая станция – «Невский проспект». «Моя», – подумал Марк. Наверху Марк осмотрелся и неторопливым шагом направился в сквер перед Казанским собором. В сквере и вокруг него было немногочисленно. Некоторые люди были в медицинских масках. Марк осмотрелся. Да, многие в масках. Были и такие же, как Марк, ожидающие. Рядом с Марком сидела компания молодёжи. Что-то бурно обсуждала. После очередного взрыва хохота Марк невольно прислушался.

– Я тебе точно говорю. Не веришь, спроси у неё сам. Давай прямо сейчас наберу.

Марк посмотрел на говорящего: молодой парень лет шестнадцати что-то доказывает друзьям, а ему не верят. От этого он ещё больше распаляется, и его слова ещё меньше производят впечатление на слушателей.

«Надо правильно мне подготовиться к разговору с Артуром и акционерами», – подумал Марк. – Если я начну что-то с жаром доказывать, он не станет слушать, как эти пацаны. Нужно прийти и чётко по пунктам разложить. Только факты и никаких эмоций.

– Это мне? – услышалось рядом, и Марк обернулся на голос.

В паре метров – молодой человек и девушка в защитной маске. Парень протягивает девушке букетик цветов.

«Цветы, – подумал Марк. – Надо же купить цветы. Или не надо? Если куплю цветы, то это значит – у нас свидание. А если не куплю – встреча. А у нас свидание или встреча? Надо купить цветы: Злата вчера была такой заботливой. Цветы – это благодарность за вчерашнее, а так у нас – встреча.» Марк посмотрел на часы на экране телефона. До назначенного времени ещё десять минут. «Успею.» Поискал глазами цветочный киоск. Обернулся к парочке.

– Молодой человек, – заговорил Марк с незнакомым парнем. – Девушка, извините, я понял, что забыл купить цветы. Молодой человек, вы где букетик купили?

– Там, возле метро цветы. Вам надо поспешить, могут разобрать все, – с улыбкой сказал парень.

Желудок Марка снова сжался. Чёрт, что такое?! Резкая беспричинная боль. Внезапно возникает и проходит без следа. Не связана ни с приёмом пищи, ни с движениями. Во сне совершенно не болело.

– Спасибо, – сказал Марк, стараясь не морщиться от боли.

За пару минут Марк вернулся к станции метро, увидел киоск «Цветы».

– Какие свежие? – спросил Марк, показывая на все цветы в целом.

– Все свежие, – предсказуемо ответила продавщица.

И желудок свело снова.

– Эти, – Марк показал на тюльпаны.

– Сколько? – уточнила продавщица.

– Пять, – сказал Марк. Внезапно Марку пришла в голову идея. – Это голландские тюльпаны?

– Голландские, – спокойно ответила продавщица.

Желудок свело, но не так сильно; может быть, потому, что Марк ожидал такой реакции. Марк расплатился за цветы, вернулся к месту встречи. Злата уже ждала его.

– Привет, замечательно выглядишь, – сказал Марк и протянул цветы. Злата действительно выглядела замечательно. На работе она практически не использовала косметику и была красива без этих ухищрений. А когда она наносила макияж, то, пожалуй, была неотразима.

– Как ты себя чувствуешь? Пятна не беспокоят? – спросила Злата, взяла цветы и коснулась красного пятнышка на левой щеке.

– Нет, совсем не беспокоят, и чувствую себя замечательно. Слушай, сейчас интересный разговор у меня цветочницей произошёл. Она говорит, что тюльпаны из Голландии, а я думаю, что из теплицы под Питером. Как ты считаешь, кто прав?

Желудок Марка давал о себе знать. Не резко и не больно, но сжимался. Чуть-чуть.

Злата посмотрела на букет.

– Думаю, ты прав, из теплицы, но для меня это не важно. Что будем делать?

– Давай вот здесь, на лавочке посидим, свежим воздухом подышим.

– Хорошо, – спокойно согласилась Злата.

Марк и Злата сели на пустую скамейку, и вскоре рядом с ними присели ещё две девушки.

– Злата, мы на работе общались по-другому. Я понял, что совсем не знал ни тебя, ни Никиту. То есть знал, но как специалистов, а по-человечески совсем не знал. Вы вчера так оба раскрылись... Расскажи о себе.

– Тебе интересно? – спросила Злата.

– Да, конечно, интересно.

Девушки, сидящие рядом, внезапно стали ругаться. Одна обвиняла подругу, что та «мутит с её парнем». Подруга стала клясться, что не встречалась с парнем подруги наедине. Подруги ссорились так громко, что не обратить внимания было невозможно. Желудок Марка отреагировал. Марк рассмеялся.

– Злата, не удивляйся, пожалуйста. У меня странная просьба. Можешь считать, это научный эксперимент.

– Так, узнаю научного руководителя, – сказала Злата, улыбаясь и устраиваясь на скамейке поудобнее.

– Расскажи что-то о себе, а я попробую угадать, правда это или нет. А ты потом честно скажешь, угадал ли я.

– Это игра какая-то?

– Да. Расскажи, например, как ты решила приехать в Питер? Из... из... сейчас вспомню.

– Я приехала из Урюпинска, – сказала Злата.

Желудок сжался.

– Нет, не правда, – ликующе заявил Марк.

– Господи, чему ты так радуешься?! – удивилась Злата.

– Я сейчас кое-что понял, – сказал Марк и постарался скрыть волнение, охватившее его. Если догадка верна, то у Марка появляется сильный козырь в борьбе за справедливость. – Возможно, скоро мы все вместе будем работать в нашей лаборатории.

– Расскажи! Я очень хочу вернуться в нашу лабораторию! – искренне сказала Злата.

– Злата, я знаю, что это невежливо и даже мерзко, но поверь, гипотеза, осенившая меня прямо сейчас, в твоём присутствии, требует тщательной проверки. Мне надо ехать... Это ужасно, я понимаю...

– Все гении такие? – Злата словно ожидала подобного поворота и была готова к нему.

– Не знаю, но если гипотеза подтвердится – мы оставим свой след в истории, можешь мне поверить.

– И правильно я понимаю, что сейчас со мной гипотезой ты не поделишься?

Марк задумался.

– Ну и ладно, – Злата встряхнула рыжими волосами. По её лицу нельзя было понять, насколько она огорчена тем, что свидание закончилось так быстро. В конце концов, она знала, что Марк не простой человек и даже не простой химик. И если она хочет быть с ним рядом, то ей придётся делить его с наукой и учиться терпеть его в те моменты, когда наука будет

побеждать. Может быть, химия всегда будет на первом месте в гениальной голове Марка. Надо научиться жить с этим.

– Ты не сердись? – спросил Марк извиняющимся тоном.

– Хочешь знать правду? – спокойно и без упрёка спросила Злата. – Сержусь, но понимаю, что ничего не могу с этим поделать.

Злата попросила не провожать её, так как она хотела ещё погулять по городу, хоть и одна, но с цветами из парника. Марк поехал домой. Ему было о чём подумать.

Судя по всему, что-то спровоцировало перестройку его организма, и когда Марк слышал ложь, то его желудок сжимался! Словно Марк проглотил гадость и желудок хочет от гадости избавиться. Мрак! Связана ли эта новая способность и красные пятна на щеках? Следствием чего стало появление этой способности? Это действие последнего состава мыла? Он переборщил с гормонами? Как долго продлится эффект? Это ведь не навсегда? Ужасно замечать каждую ложь! Ведь есть ложь во благо, есть такая ложь, что лучше её не знать.

Но сейчас способность знать, когда собеседник говорит правду – сильный козырь. Теперь Марк может позвонить Артуру и предложить ему новую сделку. Или Артур восстанавливает Марка и его ребят, или руководство Корпорации узнаёт правду. Надо тщательно продумать свою позицию. И надо спешить; неизвестно, сколько еще сохранится эффект.

Мечта всей жизни свершилась так просто и так неожиданно. Марк всегда хотел сделать что-то такое, чтобы его имя запомнили и современники, и потомки. Узнав в детстве про химию, Марк позавидовал Менделееву. Его все знают. Но таблица уже открыта. Какая жалость. Как можно прославиться, когда всё открыто? Спасибо деду, тот рассказал о мире и о загадках, ждущих своего Менделеева. Марк думал, что свою часть известности он обретёт как автор лекарственного средства. Хорошо, если это будет лекарство от псориаза. Отца уже нет, но многие люди будут благодарны за открытие такого лекарства. Марк шёл путём, казавшимся ему самым коротким, хоть и не прямым. Сначала высшее фармацевтическое образование. Сделано. Потом практика в крупной корпорации для большего углубления в профессию. Сделано. Потом работа в научном заведении над конкретной задачей. Однако у Судьбы оказались иные планы на Марка.

Случайное. Случайное? Внешне случайное открытие средства, позволяющее замечать ложь. Что произойдёт с миром, если это средство станет общедоступным? У Марка по спине пробежал холодок – да так, что Марк вздрогнул.

Публикация формулы – это потом. Если Марк решит, что публикация принесёт пользу миру. Он мечтал войти в историю и обрести бессмертие, но не в качестве злого гения, погубившего цивилизацию. Возможно, будут ограничения: кому давать способность видеть правду, а кому нет. Это потом.

Первоочередная задача – понять, что привело к способности замечать ложь. С какого момента Марк стал реагировать на ложь спазмом желудка? Когда началось? Вчера, в субботу утром. Звонок Никиты. Он что-то спросил или сказал, и желудок отреагировал. Надо вспомнить, что конкретно он сказал. Часто ли желудок реагировал на слова Златы? Марк не помнил.

«Так. Накануне я проводил очередной эксперимент. Химический состав мыла в точности такой, каким он был в Лаборатории.» Технология соблюдалась в точности, это Марк мог гарантировать. Если эффект «Антиложь» связан с небрежностью или, ещё хуже, со случайностью, то повторить его будет непросто. На поиск агента, способного из обычных ингредиентов создать «Антиложь», уйдут годы. Хотя невероятно ценным является сам факт: какое-то химическое соединение делает возможным различение правды и лжи. Конечно, надо зафиксировать способность научными методами. Если она завтра исчезнет, то доказать подобную способность практически невозможно.

Первое, что спросят люди: «Ну и как ты разбогател на этом?» Если я скажу, что для меня это не главное, они скажут: «Мы так и знали, что ты заливаешь. Любой, способный замечать

ложь, пойдёт и сделает на этом деньги. А если срок действия неизвестен, то не станет откладывать получение богатства на потом».

В одном Марк был прав и честен с собой. Вопрос денег его не интересовал. Хвалиться достатком? Радоваться, что ты на первом месте списка Форбса, а после смерти тебя забыли через неделю? Какая неопишуемая глупость. Деньги должны обслуживать главную задачу человека. Если для этого нужно много денег, то пусть их будет много. Если для этого нужно мало денег, то пусть их будет мало. Если у человека денег становится больше, чем необходимо для обслуживания его главной задачи, то человек сбивается с пути. Деньги становятся целью. Не приведи Господи.

За размышлениями Марк не заметил, как добрался до дома. Зайти в магазин, послушать людей? Или в кафе? В кафе интереснее. Марк подошёл к знакомому кафе. Официант в чёрной маске на лице сказал, что они обслуживают гостей только на веранде. «Как странно», – подумал Марк, но официант говорил правду.

На веранде было немногочисленно. В дальнем углу за столиком сидели двое мужчин и говорили, склонившись друг к другу. «Ничего не услышишь», – подумал Марк. За другим столиком сидела большая компания – похоже на детский праздник. Пять или шесть подростков, их мамы и папы. Компания была не менее пятнадцати человек. Марк подумал, что здесь он сможет сполна протестировать свою новую способность. Главное, чтобы желудок не оторвался.

– Выбрали место? – спросил проходящий мимо официант.

– Можно вот здесь?

– Вам не мешают наши гости? – официант показал на компанию. – Тут может быть шумно.

– Ничего, они мне не мешают.

Официант положил на выбранный Марком стол меню. За соседним столом стоял такой гвалт, что Марку потребовалось время, чтобы научиться различать отдельные голоса.

– А мне родители на день рождения подарили велик, – сказал парень лет тринадцати.

«Ложь», – понял Марк. «Или не на день рождения, или... не родители, или не велосипед. Интересно, можно научиться точнее понимать, что именно в словах человека неправда?» Всё внутри Марка трепетало от предвкушения признания. Такое открытие! Состав, позволяющий замечать ложь. Без сомнения, Состав будет назван в его честь. Хотя есть шансы, что на планете Земля начнутся самые мрачные времена, каких не знала история. И тогда Состав будет назван – Мрак.

«А что будет, если я прочитаю текст, содержащий ложь? Я замечу ложь в тексте? Что если человек говорит неправду, но сам в неё верит? Даёт ли моя способность различать окончательную правду или то, во что верит человек?» – думал Марк. Количество вопросов, требовавших немедленного ответа, росло как снежный ком. Марк понял, что если не контролировать поток вопросов, то его погребёт эта лавина и никто не узнает имени первооткрывателя. Никто не узнает, что есть способ различать правду и ложь.

Предстояло поставить сотни, возможно, тысячи экспериментов. Изучить всё и досконально. А потом? Опубликовать открытие? Надо быть готовым, что многие будут огорчены. Может быть, даже злы. Политики будут в ярости. Сноудена отпустят на все четыре стороны, потому что всё, что он сказал и сделал, уже не будет иметь никакого значения. Рухнет всё. Может быть, не стоит публиковать формулу?

За соседним столом послышались детские рыдания и... неуместный смех кого-то из взрослых. Марк прислушался. Выходило так, что кто-то из детей только что узнал, что Энакин Скайуокер не настоящий. Ну в том смысле, что кино – это вымысел, Энакин Скайуокер – это роль, и маленького Энакина играет человек по имени Джейк Ллойд.

«Сейчас, когда малыш немного успокоится, они скажут, что исполнитель роли Энакина находится в психиатрической лечебнице и снова поржут», – подумал Марк.

Но нет, не сказали. Наверное, просто не знали об этом. Марк наблюдал за ребёнком и видел: магия кино рассеивается и перестаёт существовать. Грустный момент. На мальчика было больно смотреть – столь велико было его разочарование миром. Если Энакин не настоящий, если Супермен не настоящий, то зачем и жить тогда?! Взрослым это разочарование было знакомым, и, смеясь над растерянностью мальчика, они избавлялись от своего разочарования миром.

Марк попытался вспомнить, когда и как он узнал, что кино – это великая иллюзия. Марк был уверен, что переживал что-то подобное, но не мог вспомнить, когда это было, с каким фильмом, с каким героем. А мальчик прямо сейчас, в этот момент, узнал, что верил в иллюзию, в ложь, и он разочаровался в кино, в себе, в родителях, смеющихся над его беспомощностью. В один из таких моментов Марк понял, что никому верить нельзя. Как забавно устроен мир. Именно Марку выпала честь изобрести Состав.

Вспомнил. Марк вспомнил. Это был военный фильм про разведчиков или нечто подобное. Разведчик попал в плен и его убили. Марк не помнил деталей. Разведчика убили, и Марк очень расстроился смерти героя. Может быть, даже заплакал: так было Марку жалко разведчика. Родители, наверное, желая успокоить, со смехом – тоже со смехом, как и эти сейчас – сказали, что кино ненастоящее, что разведчик жив и здоров и после того, как режиссёр сказал «Стоп», разведчик встал, отряхнулся и пошёл пить кофе. Или чай. Или даже какао.

– С пенкой? – всхлипывая после плача, спросил Марк.

– С пенкой, – ответили родители, думая, что проблем решена.

Но нет.

Когда ребёнок во что-то свято верит и делает предмет веры частью своего мира, а потом эта штука оказывается ненастоящей или не такой настоящей, как думал ребёнок, то в мире ребёнка исчезает часть фундамента. Конечно, ребёнок не думает в понятиях «фундамент», «опора», но теперь он не уверен, можно ли доверять остальному фундаменту. Можно ли после этого верить родителям? Можно ли верить другим людям? Родители и другие люди знали про опасность и ненадёжность фундамента, но оказались способными придержать знание при себе до поры до времени. А потом возвысились над ребёнком, посмеялись над его наивностью. Как им всем теперь верить? Разве можно на них рассчитывать?

Марк пытался вспомнить, когда в последний раз он погружался в кино или книгу, словно в реальность, и не мог вспомнить. Зато снова вспомнил, как над ним смеялись взрослые. Это было на даче у друзей отца. По телевизору показывали фильм «Чапаев». Само собой, все, кроме Марка, фильм видели раньше. Кто-то видел это кино десять раз, а кто-то двадцать. Все кроме Марка знали, что Чапай не доплывёт до спасительного берега. Не знал один Марк. Поэтому Марк беспокоился о судьбе героя, а все остальные помирали со смеху, наблюдая переживания Марка.

Ребёнок за соседним столом успокоился.

«Сейчас они ему скажут, что Дед Мороз ненастоящий, и у взрослых появится ещё один повод избавиться от внутреннего напряжения, посмеявшись над наивностью ребёнка», – подумал Марк. Следующей мыслью Марка была: «Смогу ли я теперь ходить в кино? Ведь актёр врёт, когда играет роль? Надо попробовать. В научных целях».

– Понравилась книга? Не читала ещё? – спросил высокий темноволосый мужчина в спортивной рубашке «Зенит» у девочки, сидевшей рядом.

– Не читала, надеюсь, понравится, – ответила девочка.

«Хм, и правда не читала и надеется, что понравится», – подумал Марк.

– Выбрали? – это официант.

– Скажите, а почему вы в маске? – спросил Марк.

– Так пандемия, – объяснил официант.

Желудок Марка дрогнул.

– А, понятно, – протянул Марк, хотя ему было не понятно, и желудок снова дёрнулся. «Вот оно что, – подумал Марк. – То есть я теперь даже сам себе не могу врать... Интересно. Требуется годовая программа исследований».

Официант ждал.

– Кофе, – сказал Марк. Подумал и добавил, – у вас собственная обжарка?

– Да. Вам какой: эспрессо, капучино?

– Эспрессо, – сказал Марк, а про себя подумал: «А обжарка-то у них не собственная...»

За соседний столик слева от Марка сели трое: девушка и два парня. Но по тому, как они сели, было понятно, что между одним из парней и девушкой есть отношения. А как только они заговорили, стало понятно, какие отношения. Это жених и невеста, и они решили обсудить программу будущей свадьбы с организатором. Второй парень – это и есть организатор их будущей свадьбы.

Марк искоса смотрел на молодёжь, обсуждающую, каким будет этот особенный день в их жизни, и замечал, что жених и невеста всё время честны. А вот их будущий организатор... С ним было что-то не так. Он обманывал каждый раз, когда речь заходила о том, что он сделает. Организатор говорил: «У меня есть партнёр – он организует отличный звук. Мы с ним работаем на особых условиях, он с вас денег вообще не возьмёт. Я ему из своей части заплачу, а у вас звук будет, как на концерте у Бейонсе». История про шеф-повара тоже была ложью. Молодожёны интересуются: «А как же карантин и пандемия?» А организатор им: «Я вас умоляю, у меня клиенты из Смольного в очередь стоят».

Марк предположил: организатор – мошенник и собирается обмануть молодожёнов. Марку стало жалко этих молодых, таких милых, таких доверчивых жениха и невесту. Этот мошенник не только обманет их, не только лишит денег, но и, может быть, расстроит их семейную жизнь. А они так трогательно смотрят друг на друга и касаются друг друга. Марк решил помочь молодожёнам. Но как? Просто подойти и уличить организатора во лжи? Но это недоказуемо. Организатор опровергнет все обвинения Марка. Оставить всё как есть, и пусть этот обман научит жениха и невесту лучше разбираться в людях? Марк сидел, пил кофе и пытался проанализировать ситуацию со всех сторон, найти лучшее решение. Однако за соседним столиком разговор дошёл до цифр и сумм.

– Предоплата – двести тысяч, и я начинаю собирать команду. И вперёд, вот пункты нашей дорожной карты. Каждое утро обсуждаем план на день, каждый вечер – отчёт о проделанной работе.

Желудок Марка даже не разжимался.

Жених и невеста переглянулись. Невеста согласно кивнула. Марку, если он хотел помочь ребятам, надо было спешить. Марк жестом пригласил официанта.

– Есть листок бумаги и ручка?

– Вот.

Марк взял листок, что-то написал на нём и передал официанту.

– Отдайте эту записку вот тому парню без бороды. Не говорите от кого. Прямо сейчас, – Марк подмигнул, как заговорщик.

Официант удивился, но взял книжку для чеков, положил туда записку, не разворачивая и не читая её. Подошёл к жениху и отдал ему книжку. Жених выглядел недоумевающим. Он не просил принести чек. Открыл книжку, увидел записку. Взял, прочитал её. Удивлённо посмотрел на официанта. Официант пожал плечами и посмотрел на Марка. Марк смутился: он не хотел, чтобы автора записки знал кто-то, кроме официанта.

Невеста взяла записку из рук жениха, прочитала и стала собираться на выход. Организатор свадьбы спросил, показывая на записку: «Что там?» Невеста передала записку органи-

затору. Это вообще не входило в планы Марка! Зачем он во всё это ввязался? В это время жених спешно расплатился наличными, помог невесте надеть куртку и они, не оборачиваясь, пошли с веранды.

Организатор, молодой мужчина с аккуратно постриженной бородой, встал и подошёл к столику Марка.

– Ты написал? – мужчина положил записку на стол перед Марком.

На записке была фраза: «Ваш организатор – мошенник». Отпираться было бесполезно. Официант подтвердит, что записку ему дал Марк.

– Мы знакомы? Ты кто такой? – продолжал задавать свои вопросы «организатор свадьбы».

Марк встал, положил на стол двести рублей за кофе. Организатор подошёл вплотную к Марку. За развивающимися событиями с интересом наблюдали и официант, и высокий мужчина в рубашке «Зенит» за столом, где отмечали день рождения.

– Кофе пьёшь? – организатор взял бокал с кофе, недопитый Марком. Он обнял бокал своей ладонью. Просунул указательный палец в ручку бокала, перехватил бокал понадёжнее. Организатор стоял от Марка на расстоянии вытянутой руки, смотрел в глаза Марку и стал поднимать бокал словно планировал сделать глоток. Высокий мужчина, всё время наблюдавший за происходящими событиями, отодвинул свой стул и начал вставать из-за праздничного стола. Внезапно «организатор» плеснул кофе в лицо Марка и тут же ударил его бокалом по лицу. Раздался хруст.

Марк потерял сознание и рухнул на пол веранды. За праздничным столом завизжали дети и дамы. Официант что-то говорил «организатору», но слов было не разобрать. Мужчина в рубашке «Зенит» склонился над Марком, проверил пульс. Встал, посмотрел на официанта, потом на «организатора».

– Давай, дружок, вызывай милицию и скорую, – сказал Зенитовский болельщик, обращаясь к официанту. Посмотрел на «организатора» и добавил, – присаживайся и жди наряд.

Но «организатор» не послушался, развернулся и побежал. И убежал бы, но на его пути оказался мужчина, сидевший за дальним столиком веранды и подошедший к этому времени ближе к месту событий. Благодаря его стараниям «организатор» был усажен на стул.

Марк застонал.

– Вызвали скорую? – спросил мужчина у официанта. Официант, наконец, пришёл в себя, развернулся и побежал в кафе. Мужчина закатал рукава и склонился над Марком.

– Лежи, лежи. Как ты себя чувствуешь? Тошнота? Головокружение? Как тебя зовут?

– Марк.

– Хорошо, Марк. Какое сегодня число?

– Не знаю... Воскресенье.

– Правильно, воскресенье, – мужчина взял салфетку у женщины из его компании.

– Подожди, не шевелись. Я только посмотрю. Будет не больно, – сказал мужчина, и Марк застонал от сжавшегося желудка.

– Будет, – проговорил Марк.

– Ну и хорошо, шок проходит. Что случилось? Чего не поделили? – спросил высокий мужчина, поглядывая на «организатора».

– Он мошенник, хотел обмануть молодых, – сказал Марк, подбирая слова.

– Ну что ж, молодых ты спас. А шрам на лице тебя украсит. Видишь левым глазом?

– Вроде вижу.

– Тогда легко отделался.

Из «травмы» Марка отпустили только после того, как он подписал бумагу, что принимает на себя ответственность за возможные последствия. Обошлось без перелома костей черепа.

Фельдшер сказал, что придишь удар на пять миллиметров выше, и переломы черепа – это лучший исход. Такой удар мог убить Марка. Заклеили бровь, промыли глаз и отпустили со словами «До свадьбы заживёт». Эта последняя фраза вызвала очередной спазм желудка. «Почему? Не заживёт до свадьбы? Или не будет свадьбы? Второе вероятнее», – подумал Марк.

Марк приехал домой на такси. Рухнул на диван и стал размышлять. Зачем он ввязался в эту историю? Какое ему дело? Не будь у него способности различать правду и ложь, он просто не обратил бы внимания на этот разговор.

Полицейским Марк рассказал, что ранее не знал нападавшего. Был вынужден сказать, что почувствовал, что «организатор» обманывает молодожёнов, решил предостеречь. На это полицейский сказал, что Марк долго не протянет, если будет вмешиваться в дела всех мошенников, встречающихся на его пути. Марк был вынужден согласиться. Полицейские сообщили, что по факту умышленного причинения вреда здоровью будет возбуждено уголовное дело. Марку следует завтра явиться к следователю, что детали ему сообщат позже по телефону. Марку показалось, что полицейские были особенно деятельными из-за фаната «Зенита», высокого мужчины с детского праздника. «Надо поблагодарить за помощь», – подумал Марк.

Пришла смска от Златы. Интересуется, как прошёл день. Марк написал: «Без происшествий» – и его желудок дернулся. Марк исправил на «Нормально» и желудок дернулся. Марк скривился, но отправил сообщение.

«Что дальше? – подумал Марк. – Во-первых, этот дар может принести много проблем, если я не стану просчитывать последствия.» Марк также понял, что его развитые аналитические способности в области химии не давали равным счётом никаких преимуществ в общении с людьми. Это важный урок сегодняшнего дня. Марк не большой специалист по людям и их психологии. В химии куда больше предсказуемости, и она так мила Марку.

Марк снова погрузился в размышления: «Способность различать ложь появилась у моего желудка. Забавно. Возможно, красные пятна на лице каким-то образом связаны с этим. По крайней мере, пятна и способность появились одновременно. Что стало триггером для этой способности? Новый состав мыла? Так сработали гормоны? Но с этими гормонами мы экспериментируем уже несколько месяцев...»

Две задачи на завтра. Во-первых, нужен испытуемый: на нём я проверю действие последнего состава. Если у другого человека также появится реакция на ложь, то это будет неопровержимо означать, что триггером, включающим способность замечать ложь, является мой Состав. Если не сработает, то надо будет тщательно проанализировать, что ещё со мной происходило накануне.

Во-вторых», сейчас не понятно, насколько долговременный эффект у этой способности. Навсегда она или на несколько дней? Если предположить, что действующим веществом является комбинация гормонов и микроэлементов, то способность угаснет, по мере выведения действующего вещества из организма. Чтобы эффект стал окончательным должны были перестроиться какие-то функции организма.

Предположим, это временно. Ещё хуже: предположим, это не связано с мылом, и я не найду, что запустило реакцию, и не смогу повторить. Ну хорошо, не смогу повторить в ближайшем будущем. Что мне надо сделать прямо сейчас, чтобы использовать способность по максимуму? Я могу поговорить с Артуром. Я могу его припугнуть, что знаю правду и когда правду узнают акционеры, тогда ему не поздоровиться. Шантаж? Почему бы и нет. Он для меня вне закона.

Ну, допустим, я ему позвоню, скажу, что знаю правду. Он скажет: «И я её знаю». Нас двое. Что дальше? Сказать ему, что у меня есть средство, помогающее различать ложь? Что я готов это средство предложить Корпорации? На каких условиях? И ещё не точно, что у меня это средство есть. Для начала эксперимент надо повторить. Желательно несколько раз.

Задача номер один – найти добровольца. Но нужен такой человек, который сумеет сохранить способность в тайне. Значит, Алик. Другого проверенного человека у меня нет.

Алик, друг бурной юности Марка, со связанными руками сидел на стуле в центре пустого автосервиса среди подъёмников, старой ветоши, бочек с моторным маслом и всего, что может скопиться на сервисе, если лет десять не наводить порядок. Одних блоков, цилиндров от двигателей можно было насчитать с десятков. Зачем они здесь и не используются ли они как грузило, чтобы тело, опущенное в Неву, не всплывало? Но у Алика не было сил об этом думать. Голова раскалывалась. Бока болели. По лицу текла кровь.

– Где деньги, Алик? Что ты молчишь? – здоровенный мужик в спецовке, с монтировкой в руках, стоял прямо перед Аликом и слегка постукивал этой монтировкой его по голове. У Алика не было сил уворачиваться от этих ударов.

– Где деньги? Где? Я тебя в последний раз спрашиваю, – в сотый раз повторял верзила.

Алик что-то хотел сказать, и тут же получил сильный удар кулаком по зубам. Верзила бросил монтировку и тёр правый кулак.

– Гад, я руку о зубы поранил! У тебя столбняка нет? Не хватало ещё сдохнуть из-за тебя. Когда долг вернёшь?

– У меня сейчас нет денег, – прошептал Алик. Из разбитого рта текла кровь.

– А что ты мне говорил? Что обещал? Вот при моих друзьях слово давал.

– Я через неделю отдам, – прошептал Алик.

– Хочешь неделю прожить? Целую неделю будешь меня обманывать? Будешь всем хвалиться, что снова меня обманул? – верзила срывался на истерику.

Алик отрицательно помотал головой, поднял окровавленное лицо. Посмотрел на верзила, на двух его друзей.

– Я найду деньги.

– Ну где ты их найдёшь? На дороге? Где та дорога?

– Я займу, – предположил Алик.

– Ну у кого ты займёшь? Кто тебе, придурку, деньги даст? – верзила поднял монтировку и обратился к своим товарищам. – Ну, что с ним делать?

В кармане Алика зазвонил мобильный телефон. Верзила подошёл к Алику, стал искать по карманам телефон. Нашёл. Посмотрел на экран. Там высветилось: «Грек».

– У тебя есть знакомый грек?

– Это школьный друг.

– Так ты в школе учился? И чему тебя там научили? Кидать приличных людей научили?

– Я верну деньги, Михалыч.

– Конечно вернёшь. У грека есть деньги?

– Я не знаю, мы с ним лет семь не виделись, – сказал Алик.

Михалыч посмотрел на замолчавший и снова зазвонивший телефон.

– Глянь, как ты ему нужен, – сказал Михалыч. – На, поговори.

Михалыч разрезал скотч, связывавший руки Алика, и отдал ему телефон.

– Грек, привет, – шепелявя сказал Алик в трубку.

– Алик, ты? Не узнал. Богатым будешь, – радостно поприветствовал Марк.

– Хорошо бы, – сказал Алик и посмотрел на Михалыча. Тот стоял рядом и перекидывал монтировку из руки в руку.

– Можем встретиться? Разговор есть, – предложил Марк.

– Что-то случилось? – напрягся Алик.

– Нет, всё нормально. Дело есть.

– Где? Когда? – спросил Алик. – Ты в Питере?

– Да. Ты у себя на Сапёрном?

- Нет, я за городом теперь. В Колпино. Если надо – приеду.
- Хорошо, я завтра с утра позвоню и конкретно договоримся. Будь здоров.
- Пока, – сказал Алик и привычным движением сунул телефон в карман.
- Получается, спас тебя Грек. Если до двенадцатого денег не будет, то 13 июля будет на твоей могилке второй датой. Когда у тебя день рождения?
- Шестого февраля.
- Видишь, как удобно. Шестое февраля – чёрточка – тринадцатое июля. А год рождения какой?
- Восемьдесят девятый.
- А, ну, пожил нормально, ты ж с прошлого века, получается, живёшь. С такими привычками, как у тебя, лет пять лишних. Убегать не собираешься? Мать не станешь делать крайней по своим долгам? Это дети за отцов не отвечают. А матери за сыночков всегда в ответе. Иди. Неделя сроку. Если денег не будет, я даже спрашивать тебя не буду – прибью своей рукой.

Марк вышел из метро на Горьковской, осмотрелся по сторонам в поисках Алика: вдруг он приехал раньше. Место было выбрано неслучайно. Именно здесь, на Горьковской, вон в том сером доме, на третьем этаже произошла трагедия, навсегда связавшая отличника – лучшего химика школы, победителя всех школьных олимпиад по химии – и предприимчивого двоечника из параллельного класса.

Марка школьные друзья взяли «на слабо»: мол, сможешь сварить нам такую дурь, чтобы крыша улетела? Марк, никогда не куривший табака, панически боявшийся внутривенных уколов решил попробовать. Получится или нет? Мотивы его школьных «друзей» были прозаичнее. Если «химик», как ещё звали Марка в школе, нахимичит, то у братвы будет свой поставщик недорого и безопасного. Со временем можно наладить сбыт. Марк же думал о задаче: «докажу себе, что могу сделать, и всё». Марк не планировал заниматься наркотиками. Он с детства знал, что его ждёт легальная химия. Он не планировал марать свою репутацию наркотиками. И смертью потребителей тем более. Но что вышло, то вышло.

– А с какой целью вы на окна квартиры 21 смотрите, гражданин?

Марк узнал голос Алика. Марк сварил ту гадость. Алик нашёл желающих попробовать. Оба добровольца скончались быстро и тихо. Марк и Алик, потрясённые смертью наркоманов, тихо вышли из квартиры и дали друг другу слово молчать про этот случай. Следствие было недолгим. Похороны, наверное, ещё короче. Никто не стал копаться в подробностях. Дело давно закрыли. Марк наотрез отказался повторять эксперименты с изготовлением наркотиков, и, как не старались дружки запугать или подкупить, Марк был непреклонен. Алик сдержал слово и не раскрыл, почему Марк не хочет иметь дела с наркотиками.

– Привет, Алик, – сказал Марк, обнимая старого друга.

– Проблемы? – тревожно спросил Алик и кивнул в сторону серого дома.

– Нет, просто вспомнил.

– Что с лицом? Чего звал? – спросил Алик, имя в виду синяк и заклеенную бровь.

– Пошли присядем в скверике.

– Из-за карантина все кафехи закрыты, – согласился Алик.

– А ты чего налысо стал стричься? – Марк не удержался и погладил лысую голову Алика.

– Держи дистанцию!

Друзья сели на скамейку. Алик выжидательно смотрел на Марка.

– Алик. Непростая тема. Тебе позвонил, потому что знаю, что ты умеешь молчать. Мы с тобой живы и на свободе.

– Что за тема?

– Сложная. Если согласишься, то твоя жизнь никогда не будет прежней.

– Не говори, как из телевизора. Я простой парень с окраин. У меня в гараже «шаха», а у «шахи» – музыка со съёмной передней панелью. Ворованная, конечно.

– Ты извини, но даже при всём моём доверии к тебе, мне надо тебя проверить.

– Ты не попутал чего?! – Алик вскочил со скамейки с обиженным лицом. Потом вспомнил, как ему нужны деньги. А большие тайны могут быть связаны с большими деньгами. Сел на скамейку. – Ладно. Проверь, если нужно.

– Тебе нужны деньги? – спросил Марк и приготовился слушать свой желудок.

– Спрашиваешь?

– Просто ответь: да или нет.

– Нужны, – сказал Алик.

– Правда, – вслух сказал Марк.

Марк помолчал, обдумывая следующий вопрос.

– У тебя есть человек, кому ты рассказываешь свои секреты? Ты кому-нибудь рассказывал про «тот» случай? – спросил Марк и ошибся, задав два вопроса одновременно. Потому что, отвечая на первый вопрос, Алик должен был сказать: «Да». А отвечая на второй вопрос: «Нет».

– Нет, – сказал Алик, предполагая, что Марка интересует второй вопрос. Алику нечего было скрывать. Он никому не рассказывал. Тогда, в юности, Алик так испугался, что хотел одного: скорее забыть «тот» случай.

– Правда, – показал головой Марк.

– Сможешь сохранить ещё одну тайну? – снова Марк ошибся в формулировке вопроса. Алик не знал, на что соглашался, и был искренним.

– Да, смог сохранить одну, сохраню и другую.

– Пьёшь, куришь, употребляешь?

– Ну, так, как все.

– Бывает, что в пьяном состоянии болтаешь лишнее?

– Да вроде нет, – сказал Алик, искренне считая, что умеет себя контролировать.

– Правда, – снова вслух сказал Марк.

– Ну что, детектор лжи ещё не перегрелся? – улыбаясь спросил Алик.

– Ты обделаешься, когда я скажу, зачем позвал, – серьёзно сказал Марк и Алик понял, что Марк не обманывает его и не шутит.

– Ну, хоть деньги там есть?

– Есть. Но если ты ошибёшься, тебя могут убить.

– Нашёл чем удивить, – сказал Алик и вспомнил Михалыча.

– А чего у тебя лицо вроде как побито? – спросил Марк, словно только что разглядел синяки на лице Алика.

– Кто бы говорил.

– Отвечай, – сказал Марк.

– Да с одним не поделил сферы влияния, – сказал Алик.

Желудок Марка дёрнулся впервые с начала разговора.

– Правду говори, – сказал Марк.

– Задолжал упырю местному. Он вместо того, чтобы встретиться и поговорить, видишь, что устроил. Слушай, ну все, кто бизнесом занимается, крутятся – кредиты там, долги, потом поднялся – раздал – и снова в долги.

Марк покачал головой.

– Значит, проблемы есть.

– Ау кого их нет? Вот ты тут сидишь, сразу видно – проблем у тебя нет.

Мимо скамейки прошёл полицейский патруль. Двое патрульных в масках. Остановились, обменялись то ли взглядами, то ли парой фраз и подошли к скамейке.

– Ваши документы, – сказал сержант.

– Мы что-то нарушаем? – спросил Марк.

– Да, только члены семьи могут сидеть ближе, чем полтора метра друг от друга, – сказал сержант. – Где ваши маски, перчатки?

Желудок Марка просигнализировал: «Есть в словах сержанта ложь».

– Вот паспорт. Мы одноклассники. Решили встретиться, поделиться впечатлениями о взрослой жизни. У меня просьба: процитируйте постановление, а то, я замечаю, вы близко к тексту его пересказываете.

– Умный? – спросил сержант.

– У папы адвокатская контора, он меня перед каждым выходом из дома экзаменует.

Можете себе представить мой быт.

– Хочешь, чтобы папа забрал тебя из обезьянника?

Желудок Марка сообщил: «Блеф».

– Он обожает эти моменты. Трудоголик, знаете, за каждое дело берётся, словно оно у него последнее. От этого – чудовищно богат.

– Да оставь ты их, – тихо сказал рядовой. Сержант протянул паспорт Марку.

– Через пятнадцать минут мы идём обратно и вас тут не видим.

Патрульные спокойным шагом удалились.

– Ловко ты, – сказал Алик, – а я чё та очкую с ними разговаривать. Ну, что за дело?

– Дай мне подумать минуту.

– Хорошо, у нас ещё четырнадцать останется на обсуждение деталей, – пошутил Алик.

– Ещё один вопрос. Ты хочешь знать, врёт тебе человек или нет?

– Прикольно. Детектор лжи?

– Да, только он не выключается.

– И у тебя есть такой? Это типа мобильника?

– Какого мобильника? – не понял Марк.

– Ну, там всякие штуки шпионские показывают. Если человек врёт, эта штука анализирует голос и вибрирует, или там красная лампочка загорается.

– Нет. Не об этом разговор. Что скажешь про правду? Хочешь различать правду и ложь?

– Допустим.

– Как думаешь, не повесишься, не сойдёшь с ума?

– Нет, не повешусь, – сказал Алик и подумал: «Если раньше Михалыч не повесит».

– Помолчи, пожалуйста, я подумаю и скажу своё решение.

Алик кивнул, достал сигареты, посмотрел на пачку и убрал в карман.

– Хочу бросить курить, – сказал Алик.

– Не хочешь, – автоматически перевёл в слова реакцию своего желудка Марк.

– Откуда тебе знать?

– Не хочешь.

– Моя достала уже. Бросай – бросай! Думаешь, легко бросить?

– А вот это правда.

– Так ты что, можешь отличить правду от лжи?

– Да, – сказал Марк и схватился за голову, потёр виски.

– Как ты это делаешь?

– Когда я слышу, как человек врёт, у меня сжимается желудок. Я не знаю, что конкретно в словах человека неправда, но знаю, есть там ложь или нет. Полицейский сказал, что члены одной семьи могут сидеть рядом, и в этих словах есть ложь, но я не знаю, что именно из этого неправда.

– Круто, – мечтательно сказал Алик. – А я тебе зачем?

– Я не знаю точно, как это со мной произошло. Я сделал один Состав, и, может быть, это он. А может, не он. Поскольку у меня уже есть способность замечать ложь, мне нужен кто-то чистый, чтобы на нём испытать Состав.

– Ты представляешь, какой бизнес на этом можно сделать? Это же Эльдorado и мать его.

– Ты должен пообещать, что сохранишь в тайне этот эксперимент.

– Хорошо, – сказал Алик, и Марк понял, что Алик сам себе не верит.

– Неправду сказал.

– Ты, что ли, знаешь, что будет с тобой завтра? Прошло много лет, а про тех двоих никто не знает. Мне и в голову не приходило трепаться об этом. Хвалиться нечем, а сидеть не охота. Так что доставай свою приبلуду, буду мерять.

Марк задумался. Были сигналы опасности, но другого проверенного человека, способного хранить тайну, у него всё равно не было.

– Чёрт с тобой. Не пожалеешь? – снова спросил Марк.

– Давай, Кулибин.

– Где тут рядом туалет?

– Ты чего? Это половым путём передаётся? – заволновался Алик.

– Дурак? Раковина нужна.

– Зачем раковина?

– Руки помыть.

– Ты меня пугаешь.

– Давай в ларьке бутылку воды купим и тут на лужайке помоем, – предложил Марк.

– Марк, я не спросил сразу. Теперь боюсь, не поздно ли. Ты у психиатра давно был?

– Беспокойся о том, как тебе самому в дурку не загреметь.

Марк купил бутылку чистой негазированной воды. Друзья вернулись в сквер. Скамейка была уже занята двумя пенсионерками.

– Слушай, Марк, а я буду знать, какие карты у противника?

– Нет.

– Жаль. А буду знать, если он блефует?

– Да.

– Давай скорее мыть руки, – торопился Алик.

Марк остановился возле дерева. Встал так, чтобы дерево закрывало их действия от дороги. Поставил бутылку на землю. Из кармана достал баночку из-под крема.

– Без эротика и насилия, ты обещал! – сказал Алик, бравируя, но между тем заметно волнуясь.

– Возьми средство и намыль руки.

– Это мыло?

– Мыль.

– Плесни водички. На сухую кто же мылит?

Марк открыл бутылку, плеснул воды на руки Алика.

– Не передумал? – спросил Марк.

– Нам терять нечего.

– Бери мыло и тщательно мыль руки.

– Лицо?

– Нет, только руки.

Марк внимательно наблюдал, как Алик мылит руки. Так внимательно, что не заметил, что с дорожки за ними наблюдают патрульные.

– Давай я смою, и ты ещё раз намыль, – сказал Марк.

– В рот надо будет лезть, что ли? – спросил Алик.

– Нет.

Алик подчерпнул пальцем средство и снова намылил руки.

– А грязь под ногтями не мешает эксперименту?

– Нет.

Полицейские подошли вплотную

– Так, что вы тут делаете? – спросил полицейский.

Марк от неожиданности вздрогнул.

– Командир, руки моем в целях профилактики, – в этот раз Алик нашёлся первым.

– Перчатки и маски надо носить, а не руки мылить под деревьями. Ну как дай сюда, – сержант показал на баночку с Составом. – Что это?

– Мыло.

– Странное, – сказал полицейский. – И вы оба странные. Наркоманы, что ли? Раньше клей нюхали, а теперь мыло.

Полицейский понюхал мыло.

«А Что если способность передаётся через слизистую носа?» – подумал Марк.

– У меня бизнес. Варю мыло из грызунов... в основном... – начал Марк, и сержант с отвращением выкинул баночку с остатками мыла за забор какого-то особняка.

– Ты дурак – такое говорить под руку? А если бы я попробовал? – возмущённый сержант обратился к Марку и брезгливо вытер руки о брюки.

– Так я с целью предупредить. Вот, мой друг заинтересовался, как оно мылится, и я ему продемонстрировал, – сказал Марк, а сам посмотрел в ту сторону, куда улетела баночка. За забор. Не достать.

– И тебя не стошнило? – спросил сержант у Алика.

– Вы просто не знаете, какой он парфюм из козых катышков делал. Я со школы привык к его опытам.

– Идиоты! – сказал сержант и быстро пошёл прочь.

– Что дальше? – спросил Алик, когда полицейские отошли на приличное расстояние.

– А всё, – сказал Марк.

– Что всё?

– Всё. Раньше надо было.

Глава 3

Алик внимательно осмотрел свои руки.

– Что должно произойти? – спросил Алик.

– Как только ты услышишь ложь, почувствуешь дискомфорт в желудке. Я два дня не мог понять, что со мной происходит. Планировал к врачу обращаться, – сказал Марк.

– Ну, соври что-нибудь, – предложил Алик.

– Россия – демократическая страна, и высшая власть принадлежит народу, – сказал Марк и скривился от боли в животе.

– Ну, вроде правда. То есть дискомфорта в животе нет, – отчитался Алик.

– Точно? Прислушайся, – попросил Марк.

– Повтори, – Алик внутренне собрался, как на экзамене.

– Власть в России принадлежит народу, – сказал Марк и поморщился.

– Выходит, правда.

– Да ладно! – удивился Марк.

– Соври ещё.

– Есть объективные причины для объявления пандемии по коронавирусу, – предложил Марк.

– Да, похоже были причины. Давай ещё, – Алику начинало нравится.

– Как зовут твою жену? – спросил Марк.

– Оксанка.

– Я два года встречаюсь с Оксаной, – сказал Марк.

– Похоже, не врешь. Рассказывай детали, – Алик шутя стал наступать на Марка.

– Так. Что-то не сработало. Может, надо дольше мылить? Этот гад банку выкинул за забор. Не знаешь, что за особняк?

– Судя по забору, здесь живёт часть народа, захватившая власть в стране, – предположил Алик.

– Так. Мне надо подумать. Если до завтра способность не проявится, то второй раз руки помоешь.

– А что, просто для гигиены руки теперь мыть нельзя?

– Мой, конечно. Тут дело в Составе, в этом мыле, – Марк кивнул в сторону забора.

– А у тебя ещё такой состав есть?

– На разок хватит.

– Правду сказал, – резюмировал Алик. – А где такой можно взять? Я знаю, кому можно продать за огромные деньги.

– Давай сначала разберёмся с тобой. Если Состав на тебе сработает, тогда будем про бизнес думать.

– Так я у тебя типа кролика подопытного?

– Вроде того, – спокойно признал Марк.

– И снова правда. Спасибо, друг!

Открой Марк Состав в стенах Корпорации, он мог рассчитывать на десятки или сотни подопытных, десятки помощников и неограниченное финансирование. Но ничего этого у Марка нет. И деньги скоро кончатся.

Заказы, которые Марк взялся сделать как предприниматель, он затянул по срокам; соответственно, заказчики задерживали оплату. Для продолжения экспериментов нужно будет найти финансирование. Ни один из вариантов не надо отвергать. Можно продать изобретённый Состав Корпорации. Марк даже не представлял, с какой суммы нужно начинать торго-

ваться. «А ещё лучше придумать такую услугу, когда формула Состава остаётся в тайне и моей собственностью, а услуга по выявлению истины продаётся», – к сожалению, этот путь был для Марка теоретическим, потому что не гарантировал, что его имя сохранится в веках.

Да и продавать эффект Состава, не понимая не только отдалённых последствий, но и ближайших – конечно, преступление. Как действие состава повлияет на психику? "Хорошо я холостой и без детей. А кто-то узнает, что дети не его, а соседа? Что будет с детьми, с женой, с соседом? Страшно подумать! Если Состав появится в свободной продаже, то на этом публичная политика закончится. Программы новостей упразднят. Да, пожалуй, на телевидении останутся фильмы про животных и шутки юмора...»

Нужны деньги и помощники. Марк набрал номер Никиты.

– Привет, Никита.

– Привет, как дела?

– Слушай, я тут поиздержался немного. Честно говоря, даже не заметил, как кончились деньги. В магазине решил купить кефир, а мне кассир говорит: «На карте недостаточно средств».

– Понял, не вопрос. Скинь номер карты, я переведу. Сколько тебе нужно?

– Да мне вот на ближайшее время. Тысяч пять или три.

– Я переведу пять, и, если потребуется ещё – скажи, – спокойно предложил Никита. – Какие вообще планы?

– Знаешь, я хочу завтра с Артуром поговорить... – неожиданно для самого себя сказал Марк.

– С Артуром... – не поверил своим ушам Никита, – по поводу?

– Кажется, у меня есть тема, и он захочет взять меня обратно.

– Только тебя?

– Нет, не цепляйся за слова. Конечно, всей командой вернёмся.

– Понятно, что за тема?

– Я пока не могу сказать, извини.

– На Нобелевку тянет?

– Нобелевку дадут стеклодуву, выдувающему пробирки и колбы для нашего отдела.

– Лекарство? Тебе удалось синтезировать средство от псориаза? – Никита ликовал на том конце «провода»; он один из немногих знал профессиональную цель Марка и поэтому держался рядом. Рано или поздно Марк создаст лекарство, а это точно Нобелевская премия.

– Нет, но, пожалуй, кое-что покруче, – сказал Марк.

– Скажи, умоляю! Я же заснуть не смогу.

– Вот и не спи. Думаешь, нам, великим, просто живётся?

– Злата знает?

– Нет, – сказал Марк.

– Извини, это сто процентов не моё дело, но я тебе как товарищ-товарищу. Злата позвонила мне, сказала, что вы встречались. Она подумала, что это было свидание, но ты внезапно убежал, и она не знает, что думать. Она просила не говорить.

Марк понял, что Никита говорит правду.

– Да, я сейчас ей позвоню. Тема нашей будущей работы – запредельная. Когда вы со Златой узнаете, то поймёте моё поведение. И, наверное, простите меня.

– Что ты открыл?

– Не могу сейчас сказать. Переведёшь деньги?

– Конечно, чёртов ты гений.

Утром следующего дня Марка разбудил телефон. Кто может звонить в такое время? Марк продрал глаза. Семь утра. Какого чёрта!

– Слушаю, – хрипло сказал в трубку Марк.

– Чтоб ты сдох, козёл! – прокричала трубка.

Марк вскинул брови от удивления. Вот тебе и «Доброе утро, Марк».

– Алик? – Марку показалось, что проклинаящий его голос похож на голос Алика.

– Уялик! – прокричал Алик истерически.

– Объясни.

– Что ты, тварь, сделал?!

Марк сел на диване, прижимая телефон к уху, и напряженно вслушивался. Состав мог влиять на каждого человека по-разному – Марк не подумал об этом.

– Факты излагай! – потребовал Марк.

– Факты тебе нужны – будут факты. Пришёл домой. Никаких перемен. Поужинал. Выпил пива. Лёг спать. Утром, с полчаса назад, проснулся. Моя говорит: «Ты меня любишь?». Такое у неё «доброе утро», значит. Я говорю: «Люблю». Потом... Ну, это тебе не интересно будет. Я у неё спрашиваю: «А ты меня любишь?» Она говорит: «Люблю». Мрак, короче.

Марк удручённо покачал головой.

– «Люблю» говорит, понимаешь. Всё хорошо. Только желудок дернулся. Я и не сразу вспомнил твои слова. Так эта тварь говорит: «Ты мой самый любимый...» Ну, и ещё там одно слово... тебе не интересно будет. И желудок снова сжался. И тут я понял, что ты мне, гад, испортил всю мою поганую жизнь. Жил себе в неведении и был счастлив. А теперь?

– Что теперь?

– Я у неё смешочками всех любовников выведал. Да не прошлых, не тех, что до свадьбы были. А нынешних. Чтоб ты понимал, у неё четыре мужа, и я не главный.

– Так ты хладнокровный следователь... Это хорошо. Что потом сделал?

– Сказал, что всё знаю, и ушёл из дома, – закончил историю Алик.

– Сказал ей, откуда правду знаешь?

– Думаешь, она не вызовет психушку? – ответил Алик вопросом на вопрос.

– Значит, Состав сработал. Надо встретиться и выработать план действий. Через два часа на том же месте.

– Слушай, я другу обещал помочь с покупкой машины. Давай после обеда?

– Алик, может, ты не до конца понимаешь. Если кто-то узнает про наш Состав, то сначала заберут Состав у меня, а потом убьют нас обоих, – сказал Марк. – Ты заметил ложь в моих словах?

– Нет.

– Потому что это – истинная правда. Постарайся не светить способность. И не смей никому о ней говорить прямо. Понимаешь, какая власть у тебя над людьми появилась? – Марк уже сожалел, что первым испытуемым он сделал Алика, а не Никиту.

– Я понял, не бзи.

Желудок Марка дернулся. Ох, и ошибся он с персонажем! То, что Алик скрывал одну тайну долгие годы, на самом деле ничего не значило.

Алик и Богдан подошли к дому, где живёт хозяин машины, облюбованной Богданом по фоткам с Авито. Год хороший, пробег не скрученный, состояние нормальное.

– Шас наберу его, – сказал Богдан, вынимая сотовый. – А ты прессуй его по цене.

– Слушай: когда он будет говорить о машине, смотри на меня. Если я тру нос, то он врёт.

– Понял, – ответил Богдан (желудок Алика дернулся) и сказал уже в трубку, – мы пришли, выходи.

– Слышал меня? Если он будет врать, я дам тебе знать.

– Алик, мы покупаем машину с рук, он по-любому будет врать. Ты мне не для этого нужен. Вдвоём гасить цену сподручнее, чем одному, понимаешь?

Алик сделал лицом: «Ну... Как знаешь!»

Вышел хозяин Рою, облюбованного Богданом, и, пока хозяин авто шёл к парням, Алик спросил у друга:

– А ты уже настроился брать эту машину?

– Нет, сначала посмотрим её.

И Алик понял, что Богдан уже решил покупать эту машину. Фактически, он решил покупать, когда увидел цену, год, пробег и главное – тюнинг. Бамперы, дополнительные фары и всё такое. Алик понял, что он тут не нужен: всё уже решено. А если что-то пойдёт не так при эксплуатации, то Богдан знает, с кем разделить ответственность – с Аликом.

– Привет, кто покупатель? – спросил хозяин авто.

– Я, – сказал Богдан.

– Привет, ты Богдан. А ты? – хозяин посмотрел на Алика.

– А я, соответственно, не Богдан. Видишь – Богдан, – Алик показал пальцем на Богдана.

Потом показал пальцем на себя. – Не Богдан. Запомнил?

– Чё ты так начинаешь? – сказал хозяин.

– Ну начал ты. Где тебя манерам учили? Нормальный пацан как сделал бы: подошёл, представился, поздоровался, и мы смотрим машину. Понимаешь, сколько ошибок ты наделал с самого начала?

– Так, я не понял, ты будешь смотреть машину? – хозяин авто спросил Богдана, словно Алик не сказал ему ни слова.

– Да, показывай. Алик, не горячись, – примирительным голосом сказал Богдан.

Хозяин открыл машину, привычным движением открыл капот. Потом открыл все двери и багажник: «Смотри». Алик остался стоять там, где стоял при встрече с хозяином. Богдан осуждающе посмотрел на Алика: «Так-то ты помогаешь?»

– Фактически один хозяин. Сначала машина была у дяди моего, но он почти не ездил. Потом её забрал свояк. Но тот тоже больше на своём Камазе гонял. И вот, два года назад отдал мне. Говорит: «Чего она у меня стоит в гараже, место только занимает, забирай!» Ну, я и забрал.

«Ни слова правды», – понял Алик. Но Богдана это не интересовало. Его устраивало, что машина всё время была в «одних» руках. Такая ложь радует больше, чем скверная правда.

– Не бита, не крашена. Родная краска. Стекла родные. Лобовуха.

Ни слова правды.

– Так-то лобовуха менялась, – не сходя с места, сказал Алик.

– Ты оттуда рассмотрел? – дерзко ответил хозяин.

– Да, – спокойно ответил Алик.

– Алик, хорош тебе, подойди посмотри машину. Вроде нормально всё.

– Я на хозяина посмотрел. У него нельзя покупать. Он тебе ни слова правды о машине не сказал.

Хозяин психанул, захлопнул багажник и начал закрывать двери.

– Да подожди ты. Меня машина устраивает, – вдруг сказал Богдан, – скидочку сделаешь...

– Пусть твой знакомый идёт на свой район, и мы договоримся, – поставил условие хозяин.

Богдан посмотрел на Алика, извиняясь.

– Да делай что хочешь, – Алик махнул рукой и пошёл обратно.

Дважды он сегодня пострадал от того, что знает правду. И какой тогда прок в правде? Остался без жены и без друга. Ну, то есть как без друга – без приятеля. Всё равно, когда машина сломается, Богдан обвинит Алика: мол, чего не сказал, чего не настоял, видел же, что я был не в себе.

«Теперь надо достать десятку тонн баксов и отдать Михалычу. Если этот упырь прознает про мою способность, то затаскает по стрелкам. Конечно, очень удобно знать, говорят тебе правду или нет. Удобно-то удобно, да вот мне от этого счастья пока нет.

Как заработать деньги, зная правду? Сопровождать покупателей машин с пробегом – не подходит. О! Пойду в следствие. Приводят подозреваемого, я ему пару вопросов – и всё. Знаю, врёт или нет. Всех воров пересажаю. Нет. Это не годится. Ни воры, ни менты спасибо мне не скажут.

Как денег-то добыть?»

Алик приехал в район, где прошло его детство, где жила мать. Решил зайти в гости. До встречи с Марком ещё вагон времени. По дороге к дому матери решил зайти в магазинчик сотовой связи. Когда-то мечтал работать в таком. Дурачок был.

В магазине Алика ждала хоть что-то радостное за день: там работала его одноклассница Лена Сорокина – Сорока.

– Ого, какие люди! – Алик расплылся в улыбке. – Сорока, сколько лет, сколько зим!

– Ты то тут делаешь? – Лена сначала вроде обрадовалась, а потом, когда Алик назвал её школьным прозвищем, разозлилась. Коллеги тут же подхватят и станут звать ненавистой «сорокой».

– Мимо шёл, решил заглянуть.

– Ну и иди мимо.

– Ты чего такая злая?

– Ничего.

– Обиделась на «Сороку», что ли? – догадался Алик.

– Ничего не обиделась. Иди, не мешай работать, – сказала Лена.

Желудок Алика просигналил – врёт, обиделась.

– Всё, извини, сейчас заглажу вину.

– Как, интересно знать?

– Продажи нужны?

– Что купишь?

– Не, сделаю так, что следующий покупатель купит, – сказал Алик и напарник Лены оторвался от компьютера и с интересом посмотрел на Алика.

– Как это? – спросила Лена.

– Смотри. Сейчас к вам зайдёт покупатель. Начинай говорить с ним. Задавай вопросы. Я буду вот там, в углу, стоять у витрины и кивать вот так, если человек говорит правду, и вот так – если он тебе врёт. Какие вопросы задавать – реши сама.

– А потом мне поможешь. Мне тоже продажи нужны, – сказал напарник Лены.

– Нет. Ты не мой одноклассник... – Алик присмотрелся к имени на бейдже. – Лёша.

К дверям магазина подошёл молодой человек. Алик отошёл в угол и встал лицом к витрине.

– Здравьете, – сказал молодой человек.

– Здравствуйте, – сказала Лена. – Что-нибудь интересует?

Алик посмотрел на неё как на дуру.

– Хотите поменять телефон? – спросил Лёша.

– Да нет, меня мой устраивает, – сказал посетитель.

«Врёт», – понял Алик и дал знак продавцам.

– С телефонами всегда так: устраивает, устраивает, а потом хоп – и срочно нужен новый, потому что старый уже достал разряжаться. Например, – сказал Лёша.

– Нет, мой нормально заряд держит, – сказал посетитель.

«Врёт», – понял Алик и дал знак продавцам. Посмотрел на Лену и показал лицом: «Давай активной, а то Лёша продаст».

– А у вас какая сейчас модель? – спросила Лена.

– Хеони, – сказал посетитель.

Алик дал знак: «Правда».

Лена обескураженно посмотрела на Лёшу: «Какой ещё Хеони?»

– Ксяоми, – перевёл Лёша с языка посетителя на язык Лены.

– А, – поняла Лена, – а об айфоне думали?

– Нет, меня устраивает мой Хеони.

«Врёт», – просигнализировал Алик.

Лена задумалась: она не знала, что делать дальше, даже если предположить, что посетитель обманул. Как с ним говорить про айфон, если он сказал, что его устраивает нынешний телефон?

– Все думают про айфон время от времени. Главное, чтобы денег хватило на первый взнос, – сказал Лёша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.